

Бльга Романовская

Грани. На жруги своя
Ловушка прошлого

Ольга Романовская
На круги своя. Часть
1. Ловушка прошлого
Серия «Грани», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38306136

Аннотация

Тайнам надоело лежать в шкафах, и они обрушились на Дарию, грозя погresti под собой. Тяжело придется светлой в мире темных, где каждый считает своим долгом заполнить, убить или предать. Однако не менее тяжело и темному научиться доверять и проявлять чувства. Не посмеется ли над тем, кому положено быть бесстрастным и сильным, останется ли рядом, когда он не сможет ничего дать?

Любовь – слабость, любовь – позор и любовь – спасение. Только она поможет вернуть все на круги своя посреди смертельного танца. Пришло время Дарии получить свой приз.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	61
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ольга Романовская

На круги своя. Часть 1. Ловушка прошлого

Глава 1

Идти на ужин категорически не хотелось, но сознавала, отказаться нельзя, не тот человек Родриго Соурен, герцог Терский, чтобы ему перечить. Особенно, если он однозначно намекал, отказ расценит как оскорбление. Один раз уже проигнорировала приглашение, вторично герцог забывчивость на ветреную голову не спишет. Хотя, разумеется, Родриго все понял, но, как воспитанный мужчина, принял наивное объяснение.

Станный народ – навсеи! Особенно, аристократы. А уж Родриго Соурен – дворянин до кончиков ногтей.

С отцом Филиппа я познакомилась на приеме, когда его величество пожаловал мне титул. Он нашел меня сам, изъявив желание увидеть спасительницу сына. Вопреки логике, герцог не испытывал радости. Темные – не такие, как я, светлая. Последняя светлая, или, как нас еще называли, наиви. У них совершенно другая мораль, ценности, кодекс поведения. Я с трудом освоила азы, но все еще тыкалась, как слепой ко-

тенок. Никогда не пойму, как можно отвернуться от ребенка! Супруга Родриго смогла. Более того, похоронила. Живого сына! Герцог вел себя несколько иначе: мужчины в Веосе дорожили детьми, шли ради них на жертвы, но все равно не проявил сочувствия. Для него Филипп – бракованный, негодный наследник, позор семьи. Плевать, что брюнет больше не одержим демоном, родителям он не нужен. А вот я... Родриго ведь предлагал выйти за него замуж, благо навсеи, то есть темные, исповедовали многомужество и многоженство. Каждый мог стать супругом дважды, лишь бы вторая половина не возражала. Герцогу не нужна я, он ясно дал это понять, только ребенок и сила, которую я ему передам.

Смешение темного и светлого – мечта! Такой маг точно займет престол, а Родриго Соурен метил на нечто большее, нежели положение наследника древнего рода.

Я отказала герцогу, однако Валерия, его супруга, не возражала против второй жены, может статься, ужин – ловушка, только идти все равно придется.

В Веосе, королевстве темных, я оказалась против воли назад, проведя почти всю жизнь, неполные семнадцать лет, в Мире воды, Умерре, в семье магистра лангов, то есть серых магов. Тогда мир казался черно-белым, родные – светлыми, а саму себя считала любимой дочерью. Но все перевернулось с ног на голову. Отец не отец, сестра не сестра, сама я источник силы и кобыла-производительница магов. Ей, к счастью, стать не успела, помешал Геральт. Графа Местрийского по-

жалела названная сестра, давно почившая Алексия. Она хотела завести диковинного любовника, он – ненавидел всех лангов. В итоге невольно помогла ему бежать – и пропала.

Надеюсь, Геральт сделает предложение, хотя в последнее время он стал резок, отдалился. Виной всему королева. Она наказала своего Законника за помощь другу, Филиппу Соурену, отдала мне часть его земель. Но ничего, мы справимся, только бы ужин пережить.

Филипп прислал великолепное платье и драгоценности: среди них чудесные аметистовые серьги. Когда только успел купить? Или через третьих лиц из тюрьмы попросил заготовить мне подарки? Нет, не сходится, без разрешения коменданта к брюнету никого не пускали. Я сама получила его с помощью королевы.

Хм, а ведь без меня Филипп бы не дожил до суда. Помню, как брюнет упрашивал, на колени вставал, лишь бы спасла. Без невесты его ждала незавидная участь. В Веосе женщины-аристократки обладали властью, могли потребовать мужчину даже из застенков королевского некроманта Соланжа Альдейна и добиться суда. Собственно, я так и поступила, не дала свершиться убийству. Пусть Филипп не образец благочестия, но не стоят его поступки смерти.

И вот теперь я шла как на казнь к его отцу.

Родриго Соурен вселял страх. Могущественный маг, настоящий темный – лучше отправиться бродить по Сомнейской долине, чем сидеть с ним за одним столом. Пусть ниче-

го плохого он не сделал, вел себя вежливо, предупредительно, но интуиция вопила об опасности.

Жених обязан осыпать невесту подарками, поэтому не удивилась, увидев присланные Филиппом драгоценности. Все пришлось впору и к месту, только не радовало глаз. Словно приговоренная к смерти, смотрела на отражение в зеркале. Горничная потрудилась, сделала сложную прическу с жемчужными нитями, а я даже не поблагодарила. Да что там, не взглянула.

На туалетном столике лежали кружевные перчатки до локтя – Филипп подарил платье с короткими рукавами. Воздушное, из переливчатого атласа, оно превращало меня в элементаря воздуха, подчеркивало юность и цвет кожи.

Стрелки часов неминуемо приближались к девяти. Я нервничала и выпила уже дюжину стаканов воды. Пальцы сжимались и разжимались, а в голове вертелось: «Филиппа оправдали, герцогу незачем жениться на мне». Хотелось бы верить! Надеюсь, его не прельстила наиви. Увы, темные, как выяснилось, падки на светлых, они для них вроде дурмана в постели, а уж если рядом ходит единственная наиви... Словом, лакомый кусочек. Дело не только в физическом наслаждении, тут на Родриго грешить не стоит, он любит жену – редкое и постыдное явление для Веоса, где чувства считаются слабостью, – а вот магия... Пусть я отдала силу, но внутренняя сущность осталась, и она передастся детям, сделает их почти неуязвимыми. Словом, подобная вторая жена за-

интересовала бы такого властного и честолюбивого человека, как герцог.

Погрузившись в состояние прострации, не сразу услышала стук в дверь. Оказалось, пришел лакей, сообщить, что меня ждут. Нахмурилась. Неужели герцог пришел сам? Полагала, Геральт порталом перенесет в дом Терских, вряд ли отец Филиппа не дал бы разрешения. Навсей наверняка бывал там прежде, одержимость фиктивного жениха вряд ли что-то изменила.

Жаль, поговорить с Элланом так и не успела. Я мельком видела его в фойе суда, но тогда думала совсем о другом. Потом зашла к Филиппу, поехала во дворец, завертелась подготовка к званому ужину.

С лордом Элланом Мароном у нас сложились теплые отношения. Может, Чувствующий умело манипулировал, но казалось, он искренне интересуется мной. Искренне желала ему счастья. Не понимаю, почему такой мужчина не женат, куда смотрят навсейки! Лорд, член Совета, воспитанный, в меру мягкий, насколько добрыми бывают темные. Вероятно, сказывалось занятие наставника – он учитель, привык сдерживать себя. Хотя, судя по обрывкам фраз, с подопечными – они у него взрослые, не дети – Эллан строг, только со мной возится. Оно и понятно: я слабая, женщина, светлая, этаким тепличным цветочек. Тот же герцог Терский закрыл глаза на ряд ошибок, которые для прочих стали бы фатальными. Не стоит тратить время на глупенькую шестнадцатилетнюю дев-

чонку, которая не умеет колдовать.

Отношения в мире темных сложны. Особенно между мужчинами и женщинами. Как же повезло, что король даровал мне дворянство! С ним можно не опасаться домогательств, свысока посматривать на мужчин, учиться повелевать. Увы, я не навсейка, не умею унижать. Меня воспитали иначе, с мыслью, что главный – мужчина. Тут же в аристократических семьях все решают женщины. Подумать только, они могут выгнать мужа! вот и мне предстоит избавиться от Филиппа под надуманным предлогом. Например, счесть его негодным для статуса супруга. Как? Очень просто. Недостаточно сильно доказывал любовь, не устроил в постели, дарил дешевые или безвкусные подарки.

Сложный и запутанный мир, где все с ног на голову! Только с Элланом легко. Он помогал осваивать дар медиума, терпеливо отвечал на сотни вопросов, пытался превратить в навсейку. Во многом из-за чувства долга: я спасла ему руку. Нет ничего страшнее для мужчины, чем стать калекой! Слабость, любовь и жалость – три самых страшных греха. Только вот привязанность между нами вышла за пределы долга. Эллан сумел стать бескорыстным – немыслимо для навсея! Пусть он занимался со мной ради опытов – интересно ведь, как устроена наиви, – зато ниточки повязал по доброй воле. Они, по заверениям Эллана, помогут в трудную минуту, позовут лорда.

Порой сожалела, что не Эллан стал моим первым мужчи-

ной. Пусть он не столь знатен, как Геральт, зато не завистлив. Или все внушение? Эллан ведь Чувствующий, умеет управлять чужими эмоциями, читает их, как раскрытую книгу.

Геральт...

Тяжко вздохнула.

Казалось, мы любим друг друга, а теперь начала сомневаться. Любимый в негласной опале, винит в ней меня. Бежит за королевой, вымалывает прежнее доверие. Наверняка предложил стать добровольным энергетическим донором.

Скривилась, вспомнив о специфической особенности королевы Евгении. Ей изрядно досталось от супруги Геральта и ее одержимой сестры, нужны силы, но не ценой чужого здоровья!

Все чаще задавалась вопросом: кто же ее величество? Явно не простая Знающая – представительница привилегированной касты магов. Из них: Знающих, Чувствующих, Видящих и Слышащих, – формировался Совет. Дополняли его сменные выборные обычные маги и некромант его величества Соланж Альдейн. Последний – личность в высшей степени загадочная. Откуда он пришел, неизвестно, какой силой обладал – тоже.

И тот человек из дворца, некромант, который вел на поводке дух погибшей Элизы Свейн, графини Местрийской. Предательницы, которая пыталась избавиться от мужа. Какое стечение обстоятельств! Геральт пострадал, в том числе из-за предательницы жены.

Ладно, пора!

Помедлила с минуту и встала. Глупо отсиживаться, все равно придется идти. Не съест же меня герцог!

Спускалась по лестнице с фальшивой улыбкой на лице – научилась за время жизни в Веосе. Пусть в Умерре, или, как у нас называли, Мире воды, я тоже росла не в крестьянской избе, но там не приходилось скрывать истинные чувства. Худшие ожидания оправдались: в холле ждал Родриго Соурен, герцог Терский. Он выглядел поистине величественно, сверкая идеальным кроєм костюма и блеском бриллиантов в булавке для галстука. В руках – трость, хотя, догадываюсь, на самом деле – видоизмененный посох. Перчатки, носовой платок в кармашке пиджака, цветок в петлице.

– Добрый вечер, миледи.

Родриго склонился в глубоком поклоне. Улыбнулась в ответ, хотя зубы сводило от страха, и преодолела последние ступеньки лестницы. Теперь можно присесть в реверансе и поздороваться. Но я не успела, герцог перехватил руку и поцеловал пальчики. Вроде, все в рамках приличий, только Родриго чуть дольше положенного задержал ладонь в своей.

– Приветствую, ваша светлость.

Обернулась и увидела Геральта. Он тоже сменил одежду, но не надел пиджак. Значит, собирался проводить, но не останется. Логично, навсея не приглашали.

Герцог ответил на приветствие и завязал с Геральтом непринужденную светскую беседу. Я, воспользовавшись

случаем, поспешила отойти от Родриго. Однако он заметил и, удивленно приподняв бровь, поинтересовался:

– В чем дело, миледи, почему вы боитесь?

Как, как?.. Хотя, на лице, наверное, все написано. Стояла, кусая губы. Нельзя выказывать страх, нельзя быть слабой – уничтожат!

Какая сложная игра! Шаг вправо, шаг влево – оскорбление. Герцог стоит слишком высоко, тут не работают отношения женщины и мужчины. Я всего лишь леди, стою на третьей ступеньке иерархической лестницы, ниже только лэрды и дворяне без титула, обычно пожалованные высокой милостью мещане, Родриго Соурен же почти небожитель. Его род столь же древен и знатен, как королевский.

– Вам абсолютно ничего не грозит, – заверил герцог, обращаясь отчего-то не ко мне, а к Геральту. И, улыбнувшись, добавил: – Вы прекрасно выглядите, миледи, способны затмить звезды.

Стушевалась и отвела глаза. Оставалось только гадать, комплимент со значением или без. Раньше бы не сомневалась, а теперь...

Уголки губ дернулись.

Значит, Филипп не сумел отговорить отца. Не сомневаюсь, пытался: долг обязывает, с этим у навсеев строго. Рано поторопилась, Родриго все еще думал о ребенке. Он не скрывал, хочет взять вторую жену только ради достойного наследника. Для любви у герцога Валерия, мать Филиппа.

Они являли собой странный, возмутительный для Веоса союз любящих супругов. Не удивлюсь, если Родриго тайком тискал пальчики жены, а та целовала его в макушку. На людях, разумеется, холод и спокойствие. Они почти обманули меня, но затем, по маленьким штришкам, отыскала чувства и в ледяной Валерии. Пусть не столь сильные, как у мужа, но все же.

Мать Филиппа старше отца, для нее это второй брак. И вот она согласилась на другую женщину в постели герцога. Ради долга. Порой хотелось ухватить навсеев за шкирку и прокричать: «Опомнитесь, останьтесь людьми!» Только бесполезно, они другие.

Вздрогнула, когда рука герцога вновь нашла мою. Пальцы погладили запястье. Напряглась. Родриго знал, это мое слабое место. Стоит губам коснуться нежной кожи, а пальцам пуститься в чувственный танец, я могу потерять контроль над разумом. Только вот становиться герцогиней в мои планы не входило. Радовало, что как любовница я Родриго не нужна.

– Миледи, я вас пугаю?

Родриго чуть заметно усмехался. Ему была прекрасно известна причина моих волнений. Не требуются способности ментала, чтобы разгадать простейший ребус.

– Дария никогда прежде не наносила визитов, – пришел на помощь Геральт и встал рядом со мной. – Разрешите пойти с ней.

Надежда расправила крылья.

С Геральтом спокойнее, не придется опасаться ловушки, из которой один выход – надеть кольцо. Порой аристократы теряют лоск и становятся обычными предателями, мерзавцами и шантажистами. До насилия Родриго вряд ли опустится, а вот другие методы воздействия применить может.

– Нет, – тоном, не допускающим возражений, ответил герцог и, чтобы потушить назревавший конфликт, мягко добавил: – Увы, Валерия желала поболтать с леди Эрассой поженски. Я бы с радостью, граф, пригласил вас. Поиграли бы в вист или бильярд, но разве пойдешь против женщины?

Родриго деланно вздохнул и развел руками.

Геральт, несомненно, все понял, но отступил.

Глубоко вздохнув, шагнула в открытый Родриго портал. Он вывел в огромный холл самого настоящего дворца. Заморгала от нестерпимо яркого света трех люстр под потолком и не сдержала восхищения при виде стеклянных колонн с железными нитями, поддерживавших потолок.

– Нравится, миледи? – герцог лучился самодовольством.

Приятно поражать воображение.

Кивнула и обернулась.

Куда дальше?

Склонив голову, Родриго подал руку, и мы степенно направились к лестнице, не уступавшей лестнице королевского дворца. Каблуки утопали в алом ковре, свободная рука скользила по мраморным перилам.

Над головой – панно, изображавшее звездное небо. Потрясающее зрелище! Могла бы, запрокинула голову и разглядывала его часами. Не верится, будто такое создали люди, пусть даже маги.

– Я не тиран, можете посмотреть. – Складывалось впечатление, будто Родриго читал мысли. – Звезды из бриллиантов.

– Любите пускать пыль в глаза?

Воспользовавшись щедрым предложением, скользила взглядом по созвездиям. Зарисовать бы! Небо в Веосе совсем не такое, как в Мире воды.

– Люблю давать понять, кто есть кто. Какие-то вопросы? Вы хмуритесь?

– Благодарю, я воспользуюсь Атласом звездного неба.

Однако герцог оказался неумолим и преподал короткий урок астрономии. Названия созвездий казались строчками древних легенд и ласкали слух. Оказалось, по воле владельца они способны сменять друг друга в соответствии со временами года.

Чтобы показать потолок во всем его великолепии, Родриго погасил свет.

Несказанно прекрасно! Позабыв о страхах, словно дитя, стояла, раскрыв рот, и едва ли не хлопала в ладоши.

Однако все когда-нибудь кончается, вот и мне пришлось возвращаться в суровую реальность, где родовитый навсей хотел ребенка от последней светлой в мире. Обычная прихоть наделенного властью человека, никакой любви или

страсти.

– Леди Эрасса, – немного не дойдя до межэтажной площадки, герцог остановился и повернулся ко мне.

Он отпустил руку, позволив отойти. Перевела дух. Задумай Родриго преступление, наоборот, держал бы крепко.

– Леди Эрасса, – повторил владелец дома, глядя прямо в глаза, пристально, изучающе и отчего-то злобно, – кем вы меня считаете? Одна мысль о том, будто я способен на насилие, оскорбительна. Вздор! Я предлагал вам руку, а не постель. Поверьте, я не способен унижить дворянку, а вы полагаете, будто вас изнасилуют после ужина. Так ведь, миледи?

Лицо герцога дернулось от гневной судороги. Сжав перчатки, – он успел их снять – Родриго ударил ими по перилам. Гневается, да что там, в ярости, и причиной всему маленькая наиви. Скрестив руки на груди, герцог требовал ответа, и мне пришлось неохотно признать: он прав.

Ноздри Родриго раздулись, губы сжались. Глаза блеснули холодом изумрудов.

– В таком случае, – от голоса герцога воздух заиндевел, – вам лучше уйти. Я открою портал и извинюсь перед Валерией. Но тогда вы никогда, повторяю, никогда, – он сделал ударение на последнем слове, – не переступите порог этого дома.

Вжавшись в перила, затравленно смотрела на Родриго. Тот будто вырос, казалось, балансировал на грани боевого облика. Вот она, та самая грань! И я ее переступила.

На щеках вспыхнуло два алых пятна.

Идиотка, оскорбила герцога! Оставалось только гадать, во что выльется распря со столь именитым аристократом! Хорошо, если только изгнанием, а если смертью? Родриго способен убить. Мужчины выясняют отношения на дуэли, но со мной можно не церемониться. Геральт слабее, даже с той силой, которую я ему подарила, не справится с Родриго. Да и станет ли любимый мстить? Повторюсь, с некоторых пор я сомневалась в его чувствах. Слишком часто Геральт срывался. Да и разве не он подтолкнул заключить помолвку с Филиппом? Влюбленные так не поступают.

И Геральт не желал жениться. Прискорбно, но, когда пелена спала, пришло осознание. Я все еще надеялась переломить ситуацию, однако червячок сомнения закрался в голову. Геральт не станет связываться с Родриго, слишком дорожит тем, что имеет. Значит, я одна против разгневанного аристократа.

– Простите, ваша светлость. – Губы едва шевелились от поднимавшегося из желудка страха. – Я не думала... Простите, вы так напугали меня тогда, в ложе, а наиви – впечатлительные дурочки.

Герцог неопределенно фыркнул и окинул взглядом с головы до ног. Не иначе, решал, как со мной поступить. Одно радовало: мышцы лица расслабились, приступ прошел.

– Родриго, – неожиданно мягко произнес он, – можете называть меня просто Родриго, раз я ваш будущий свекор. Не

бойтесь, уже не сержусь. Вы особенная, хватит простых извинений. Они приняты.

– А остальные? – решила спросить я. – Что бы им грозило?

Лучше заранее знать, чтобы уберечь, например, Геральта.

– Оскорбления подобного рода не заглаживаются словами. Но, повторяюсь, вы прощены. Идемте! – Родриго вновь подал руку. – Нам с супругой жутко интересно поговорить с наиви.

От этого «интересно поговорить» затряслись колени. Если бы не перила, наверняка упала бы. Вспомнилась сказка об овечке и волках.

Бежать, скорее бежать отсюда!

– Миледи, чего вы боитесь? – Так и не дождавшись ответного движения, Родриго отодрал мою руку от перил. Крепкая ладонь чуть сжала безвольную кисть. – Складывается впечатление, будто вы считаете нас палачами или некромантами, жаждущими провести кровавый ритуал. Поверьте, ничего подобного я не умею, супруга тоже. Могу дать слово. Убиваю я исключительно на поле боя или на дуэли.

Герцог погладил мои пальцы и поцеловал. Потом, испросив разрешения, обнял и медленно повел дальше. Я позорно повисла на хозяине дома: ноги отказывались служить. Видя, что дело плохо, Родриго тяжело вздохнул, укоризненно покачал головой и легко, как пушинку, взял на руки. От него пахло дорогими духами. Сердце билось мерно и ровно, только вот куда меня несли?

От двусмысленности ситуации волнение только усилилось. Ладони вспотели.

– Вообще-то это забота Филиппа. – Герцог, не касаясь, отворил двустворчатые двери и понес по анфиладе парадных комнат. – Но раз сын улаживает дела перед ссылкой, придется позаботиться о его невесте. Скажите, когда придете в себя, отпущу.

– Филипп не придет? – уцепилась за соломинку-спасение.

Отношения с брюнетом не сложились, тепла я к нему не испытывала, но он сдержит отца, превратит ужин в ужин, а не смотрины.

– Скорее всего, хотя я приглашал, – равнодушно ответил Родриго. – У него напряженные отношения с Валерией. Однако, если вам так плохо... – нахмурился герцог.

– Что вы, мне хорошо! – поспешно заверила я и попросила отпустить.

Дальше мы пошли чинно, под руку. Временами ловила на себе изучающий, чуть насмешливый взгляд спутника, но вслух он ничего не высказал, пусть догадался об уловке.

Родриго рассказывал о разных диковинках, попадавших по пути, специально остановился в картинной галерее, чтобы похвастаться портретами предков. Я тоже прониклась: герцоги Терские во всех поколениях смотрелись грозно и внушительно. Однако интересовали меня больше не лица, а костюмы. По ним смогла проследить веоскую моду. Оказалось, когда-то и здесь носили то же, что в Мире воды, то есть ру-

бахи и платья на шнуровке. Теперь же пришел век элегантных ботинок, ремней, брюк со «стрелками», корсетов с кружевом и турнюров.

На самом деле, за показным интересом к декору и картинам таился страх. Как могла, оттягивала встречу с герцогиней. Ее я отчего-то боялась больше Родриго. Ледяная королева, способная носить траур по живому сыну.

Герцог закашлялся, сочтя мое пребывание возле очередного портрета неприлично долгим. Пришлось ринуться с головой в пучину.

От герцога не укрылась моя бледность, и он хлопнул в ладоши, приказав духу-слуге принести бокал красного вина.

– Вам, не мне, – уточнил Родриго.

Так неловко! Впервые в гостях в таком доме, а уже успела трижды опозориться перед человеком, на которого нужно произвести благоприятное впечатление. Родриго Соурен слишком влиятелен, чтобы его игнорировать, по той же причине нужен в друзьях, а не врагах. Пришлось через силу улыбнуться и принять от духа фужер. Сделав ровно два глотка, поставила его на стол и завершила, со мной все в порядке. Герцог не поверил, заставил выпить бокал до дна. Вернее, попросил, но тоном, не допускавшим возражений.

– Миледи, ни я, ни Валерия не питаем к вам неприязни, – Родриго решил расставить все точки над «i». Он стоял напротив, смотрел серьезно, чуть недовольно, прямо в глаза. Рука лежала на том же столе, где стоял пустой бокал. Пер-

чатки исчезли: владелец чуть раньше отдал их духу. – Я не собираюсь жениться, всего лишь познакомиться. Вполне логично.

С облегчением выдохнула. Значит, герцог таки оставил идею с браком.

Просто ужин, Дария, ты выдержишь. Вот, посмотри, Родриго не сердится, даже успокоить пытается. Только все равно страшно, ощущение, будто дергаю спящего дракона за хвост. Он в любой момент может открыть пасть и спалить меня.

Герцог хмыкнул и предложил еще вина.

– Только осторожнее, – губы тронула едва заметная улыбка, не поймешь, добрая или злая, – не пейте много на голодный желудок. Безусловно, я не позволю вам заснуть на полу, но репутацию себе подпортите.

– Ночевкой в вашем доме?

Решилась заглянуть в зеленые глаза брюнета. В них отражались отблески светильников и больше ничего. Ни насмешки, ни злости, ни предвкушения. Каким образом Родриго так научился держать лицо? Он ведь открыто намекнул на бесчестье.

– Давайте проясним ситуацию с вашим замужеством. – Герцог вытянул руку, и в ней возник новый бокал. Разумеется, для меня. Пришлось взять, хотя бы из вежливости. – Не спорю, ужин – смотрины, но я не имею к ним никакого отношения.

Широко распахнула глаза. То есть?..

– Именно так, леди Эрасса, – Родриго позволил себе улыбнуться. – Второй герцогини не будет. Однако, – он и выразительно покосился на бокал, мол, надо выпить, – о замужестве поговорить придется. Я хотел бы выкупить сына.

Такой поворот событий не выдумал бы даже романист – сочинитель многочисленных книг о любви, приключениях и схватках, от которых ломались полки в лавках. Невежливо открыла рот, но, вовремя сообразив, что творю, прикрыла его ладонью. Владелец дома тактично предпочел не увидеть вопиющего нарушения правил хорошего тона.

Бокал пришелся кстати, выпила и не заметила.

Вино слегка ударило в голову. Кровь прилила к щекам.

Герцог замер, погруженный в собственные мысли.

– Отлично, – кивнул Родриго и махнул рукой, сотворив вокруг нас искрящийся полог. Надеюсь, темные держат слово, и герцог не причинит вреда. Понятия не имею, каково назначения заклинания. – Давайте решим сейчас. Пожалуй, лучше без Валерии. Сколько?

– Что? – не поняла я.

– Сколько вы хотите? – терпеливо повторил Родриго и с легким раздражением, проследив за моим бегающим взглядом, объяснил суть заклинания. – Это не сеть, а средство от подслушивания. Меня интересует, за какую сумму вы не станете афишировать помолвку. Пока еще возможно, нужно прекратить фарс, ведь после официального представления....

Герцог не договорил и с шумом втянул воздух. Он пару раз сжал и разжал пальцы. Верхняя губа дернулась, будто мысль об оглашении помолвки Филиппа ему неприятна. Странно, ведь, по словам Геральта, таким образом брюнет избегнет худшей участи. Видимо, когда меч палача отодвинули от шеи Филиппа, я вдруг стала нехороша для семейства Терских.

Стояла и молчала, не зная, что ответит. Родриго восприняв это как знак согласия слушать дальше и продолжил:

– Как я уже говорил на приеме его величества, в любовь к Филиппу, увы, не верю. В дальнейшем вы подтвердили: хотели получить должника. Полагаю, изначальный посыл другой. Наиви – добрейшие существа, банально пожалели, а Филипп приложил усилия в некоторой области.

Отвернулась, закусив губу. Знаю, в Веосе к подобным вещам относятся иначе, но нельзя же вот так, открыто, обсуждать тайну чужой постели! Одно дело – суд, там это оправдано, здесь же... Воспитанный мужчина обязан скрыть свое знание.

– Не краснейте! – Похоже, я изрядно позабавила Родриго. – Тут нет ничего постыдного. Вы не замужем, так вообще все карты в руки, с кем и когда угодно.

– Допустим, – обернулась и с вызовом посмотрела на собеседника. Страх отступил, смятенный задетой гордостью. – Однако кто вам дал право?..

– Никто, – поразительно спокойно согласился герцог. –

Только родство с Филиппом. Его личная жизнь, согласитесь, достояние семьи.

– Не соглашусь. Вы пытаетесь влезть в мою.

Остановиться бы, прикусить язык, но хотелось поставить на место высокородного наглеца. Я леди, не наложница, пусть проявляет уважение не только на словах.

– Итак, казалось бы, все хорошо, – Родриго проигнорировал мой эмоциональный выпад. Ну да, он ему как укус комара. – Я бы обрадовался: нет ничего позорнее одинокого мужчины. Только есть одно «но» – честь сына. Либо вы выходите за Филиппа замуж, либо откажитесь до оглашения. Я хочу, чтобы род Терских процветал, но, разорвав помолвку, вы лишите меня внуков.

Герцог напряженно молчал и ждал ответа.

Тишина становилась материальной, звенела в ушах. Хотелось развеять ее, сбежать из-под колдовского полога, но по опыту знала, магию темных не перебороть.

– Почему? – пока я не улавливала нить.

Действительно, почему, как рождение внуков связано со мной? Насколько поняла, речь о каких-то общественных предрассудках. Помнится, еще до получения дворянства мне рассказывали о местных странных браках. Супруги частенько ни разу не делили постель, не говоря о зачатии детей. Видимо, здесь нечто подобное.

– Бракованный жених никому не нужен. Филипп и так загубил репутацию, а тут еще вы, – герцог с трудом скрыл бо-

лезненную гримасу. – Какие наследники, миледи? – в голосе прорезалось глухое отчаянье. – Если невеста его бросит, Филипп может не рассчитывать даже на завалиющую дворянку. В результате мне придется жениться вторично, чтобы хоть кому-то передать титул, и не факт, что супруга согласится родить ребенка.

Последнюю фразу Родриго выплюнул словно обвинение. Зеленые глаза горели, как у дракона, но кисти расслабленные. Поразительно! Еще раз восхитилась выдержкой навсея.

– Милорд, по-моему, любая подарит вам дитя, – неуверенно возразила я, осмысливая ситуацию.

Великая Мать, как все запутано! Со слов Геральта вышло, Филиппу ничего не грозит, а тут герцог абсолютно серьезно говорит о фатальных последствиях для рода.

Родриго хмыкнул и поправил булавку в галстук: она чуть сбилась, когда он меня нес. К владельцу дома вернулось величавое спокойствие, герцог больше не излучал угрозы.

– Вы полагаете, я возьму в жены ту, которая польстится на титул? Нет, миледи, мне нужна герцогиня, а не содержанка. На вас бы женился, – огорошил Родриго, заставив сердце подпрыгнуть к горлу. А тут еще поцелуй руки. Вроде, обычная вежливость или намек? – Вы представляете интерес.

– Чем?

Хватит, надоело! Пусть скажет открыто, зачем ему я. Никакого плотского влечения, никакой любви, одна настойчивость, которая граничит с паранойей. Прежде я несла силу.

Геральт давно выпил ее, получил в подарок в нашу первую совместную ночь. Остался только дар медиума, однако сомневаюсь, будто Родриго Соурен польстился бы на такую мелочь.

– Данный вопрос закрыт. Я, кажется, ясно дал понять: вы не примерите кольцо. Мы решим конфликт иным путем и мирно, верно, миледи?

Ох, не понравились мне кошачьи нотки в голосе!

Родриго допускал всего один ответ, и я его дала. Владелец дома удовлетворенно кивнул и попросил озвучить требования в течение трех дней.

– В требованиях не ограничиваю, хоть луну с неба, – герцог успокоился и теперь изображал радушного друга. – Филипп все равно потом отдаст.

А вот и металл. Нет, не меняются люди, и собеседник не превратился в заботливого отца.

Только одного не понимала: зачем Родриго жениться снова, если Филипп выпадет из брачной гонки. Проще найти сыну наложницу: по законам Веоса дети от подобных женщин наследуют титул и имущество. Тот же Эллан собирался передать все одной из дочерей, хотя, надеюсь, он когда-нибудь заведет семью. Не понимаю навсеек, я бы такого жениха не упустила: член Совета, красивый, умный, небедный, характер покладистый, пусть и не мягкий. Во всяком случае, Эллан умел слушать или хотя бы делал вид, будто слушает. К тому же он Чувствующий, а они, если верить Соланжу Аль-

дейну, прекрасные любовники. Недаром же Элиза Свейн выбрала Эллана, сомневаюсь, будто покойная графиня спала с учителем только из корыстных побуждений. О нет, она ценила удовольствия и наверняка получала его с обоими мужчинами: любовником и мужем. Даже интересно, чем они с Элланом занимались в постели. Чисто в образовательных целях. В конце концов, чья наложница стонала всю ночь? Эллан ведь специально дал послушать – для лечения комплексов. Вот я и хотела раскрепоститься до конца, узнать, как положено себя вести опытной женщине. Да и Эллан, любопытно ведь, чем так хороши Чувствующие.

Оказалось, все это время герцог наблюдал за мной. Сомневаюсь, будто случайно. Хотел уловить довольную усмешку на губах?

– Ваша светлость, – не видела повода лгать, все равно маски скоро слетят, – какова настоящая цель ужина? И на ужин ли меня пригласили? Повторюсь, я не сомневаюсь в вашей честности как мужчины, но все остальное внушает подозрения.

– Какие же? – Родриго сделал вид, будто не услышал обвинений.

Он положил руку на мой локоть. И не сбросишь ведь.

Замялась, не зная, что ответить. Тут ведь тонкая грань, шаг в сторону – оскорбление, поэтому старалась подбирать слова осторожно.

– Видите ли, меня смутило ваше предложение. Даже оба

предложения. Не поймите меня превратно, но на моей родине будущий свекор ведет себя иначе.

– В Умерре глава семьи мужчина, а женщину не считают за человека, – парировал герцог, чересчур жестко для сложившейся ситуации. – В Веосе выбирает женщина, вам наверняка говорили. И не раз повторяли, как сложно продолжить род законным путем. И вот вы собираетесь лишить Филиппа ребенка.

– Но...

– Однако, – Родриго не позволил вставить ни слова, – Филипп заслуживает наказания. Семье дорого встала его дурость, но у меня хватит чести не отплатить тем же, довольно позора и судебного решения. Пусть старается, пресмыкается перед Геральтом Свейном. Если не дурак, граф выставит огромные проценты. Теперь обо мне, – вновь быстрый взгляд способных резать без ножа глаз. – Я не собирался заводить наложницу, разыскивать давних бастардов и как-то еще портить кровь Терских. Все наследники Соуренов по традиции рождаются только в браке. Валерия немолода, раз вы наиви, миледи, скажу прямо, старше меня, и подвергать ее опасности повторных родов я не намерен. Вы подходили. Почему, позвольте сохранить в тайне. Заверяю, внешность и молодость ни при чем. А теперь забудьте! Ни слова при Валерии!

Я решительно ничего не понимала, оставалось только смотреть и гадать, что задумал Родриго Соурен.

Ситуация запуталась еще больше. Сначала помолвка с

Филиппом, которая якобы спасет жизнь брюнету, затем настойчивое предложение герцога выйти за него замуж, попытка откупиться от возможного брака. Планы Терских менялись каждую минуту. Ощущала себя мухой, угодившей в паутину – чем больше дергалась, тем хуже становилось.

Герцог, не скрывая раздражения, поторапливал, пришлось идти. Однако по дороге не выдержала и спросила, каковы его дальнейшие намерения. Понимаю, глупо, все равно не скажет, но надежда умирает последней. Родриго отделался молчанием. Более того, сделал вид, будто ничего не понял. Я проявила настойчивость и пригрозила рассказать о странном разговоре Валерии.

– Не советую, – герцог до боли стиснул руку. – Не вашего ума дело, какие цели я преследую.

– Но они касаются меня.

На всякий случай приготовилась бежать. Куда? Неважно, лишь бы выбраться из ловушки.

– Они касаются моего сына, – сверкнул глазами Родриго. – Пусть запомнит урок. Вы же, – он выдержал паузу и одарил взглядом удава, – ни в чем не виноваты, трогать не стану. Попросите, возьму второй женой. В отличие от Геральта Свейна я знаю, кто такие наиви, ролью содержанки не унижу, в постельную игрушку не превращу. Однако сам никогда на подобную тему не заговорю, слово дамы – закон.

Похоже, нужно опять поднимать сведения о светлых. Если герцог Терский так жаждал потомства, это неспроста. К сча-

стью, гордость для него дороже, а то бы уже выбирала бриллиант для кольца.

Положим, Родриго Соурен во многом хорош как супруг: опора, защита, сила, только вот я его боялась и не испытывала никаких романтических чувств. Наверное, дурочка, любая навсейка бы обеими руками ухватилась бы за возможность стать второй герцогиней Терской.

Пусть ответов на вопросы я не получила, зато узнала: Родриго двигала месть, счет отца к сыну. Странно, противозаконно, но ведь речь о темных. Полагаю, дело в пытках. Страшно представить, как измывался над герцогом Соланж, если на коже остались магические ожоги. Полагаю, король лично дал разрешение на допрос столь высокопоставленной особы. Тогда его величеству тоже следует опасаться мести. Больше, нежели Филиппу: Родриго точно не забудет унижения.

Стол накрыли в шикарной столовой. Такая сделала бы честь королевскому дворцу – повсюду позолота, фарфор, картины с пасторальными видами. Как тут обедать, не представляю. Дышать страшно!

Герцогиня уже ждала нас и, похоже, долго, раз посматривала на мужа с явным неудовольствием. Он рассыпался в извинениях: мол, дорогая, нехорошо указывать женщине, как долго пудрить носик.

Родриго крепко сжал мою руку, но так, чтобы Валерия не видела. Не стала спорить и подтвердила его версию. Меньше

всего на свете хотелось бы нажать врага в лице герцога Терского. Ответом на самозабвенную ложь стала улыбка – незаметная, краешками губ.

Пальцы Родриго нежно погладили внутреннюю сторону запястья – на грани приличия. Хотела возмутиться, но не заметила в глазах герцога ни намека на флирт. Похоже, герцог опасался моей непосредственности и того, к чему она может привести, а именно – скандала. Что ж, приму ласку как благодарность.

Валерия сверкала семейными бриллиантами. Казалось, их больше, чем звезд на небе. Мысленно возблагодарила Филиппа за присланное платье и серьги, без них смотрелась бы серой мышью.

Нервно поправила ожерелье на шее и оглянулась на Родриго. Тот кивнул и поспешил отодвинуть стул.

Почетные гости, как и положено, сидели по правую руку от хозяина. Таким образом, Родриго приходилось ухаживать и за мной, и за супругой. Со стороны казалось, будто у него две жены.

Разговор вертелся вокруг пустых светских новостей. Темы суда и грядущей ссылки Филиппа супруги старательно избегали. Впрочем, я привыкла к подобному поведению и, соответствуя образу навсейки из высшего общества, пыталась быть отстраненно вежливой, хотя мечтала скорее вернуться к Геральту.

Когда источник тем исчерпался, за столом воцарилось

неуютное молчание. Я буравила взглядом скатерть, хозяйева – меня. В итоге не выдержала и начала теревить край салфетки на коленях.

– Миледи? – герцог взял на себя миссию спасителя и нарушил неприятную паузу. После одобрительного кивка он подлил вина. Оно всеми оттенками багрянца заструилось по стенкам бокала, густое, дорогое, но на редкость некрепкое. – Может, расскажете о Мире воды? Разумеется, если захотите.

С готовностью уцепилась за протянутую соломинку. Скрывать что-либо не видела смысла: навсеям и так многое известно, да и люди, имена которых мелькали в рассказе, уже мертвы, навредить им невозможно. Хозяйева слушали внимательно, изредка задавали вопросы. По ним поняла, герцогской чете интересно слушать об Умерре.

И тут кольнуло: туда едет Филипп! Разумеется, какими бы странными родителями ни были герцог и герцогиня, они беспокоились о сыне. Сдается, отец гораздо больше матери. Родриго пытали, Филипп, как ни крути, опозорил семью, однако герцог от него не отрекался. Хотел проучить, но не отрекался. Или это мне хотелось найти в Родриго Соурене нечто человеческое? Я ведь наиви – существо, верящее в добро.

– Скорей бы уж передавили лангов! – Валерия скомкала салфетку. – Столько времени не могут завоевать человеческие королевства!

– Валерия! – герцог укоризненно глянул на жену и бросил на меня быстрый извиняющийся взгляд. – Леди Эрасса вы-

росла в Умерре, ей неприятно.

Какая забота! Неприятно мне!

Может, уйти? Сослаться на головную боль, женское недомогание? Я уже собиралась открыть рот, но Родриго опередил. Промокнув губы салфеткой, он достал из кармана жилета белоснежный конверт и протянул мне.

– Что это?

Не спешила принимать подарок. Знаю правило: сто раз отмерь, один согласись.

– Приглашение на бал-маскарад его величества. Я взял на себя смелость забрать ваше. Не беспокойтесь, – улыбнулся герцог, почувствовав мое стеснение, – карточка не от меня, приглашает король. Он собирался послать с нарочным, но так уж получилось, что я присутствовал при разговоре...

– Родриго, ты оправдываешься перед гостьей, будто совершил страшное преступление! – рассмеялась герцогиня. Она скинула ледяную маску и снова изображала радушную хозяйку. – Он весь в этом, миледи. Дамский угодник!

Я бы назвала герцога кем угодно, но не повторила бы характеристику Валерии. Родриго расстилается исключительно перед супругой, с остальными он жесток. Не бывает подкаблучников с такой линией подбородка.

Губы герцога дрогнули, подтверждая догадки. Ему не понравилось замечание жены.

– Полагаю, Валерия, тебе лучше поторопить слуг с чаем, – холодным, чуть раздраженным тоном заметил он. – Осталь-

ное мы обсудим наедине. Леди Эрассе совершенно неинтересны подобные темы. Верно, миледи?

Встретившись с пронзительными зелеными глазами, кивнула и забрала приглашение. Его действительно подписал король. Сам, лично! Бал-маскарад во дворце. Приглашение на меня и одно сопровождающее лицо.

– Филипп с удовольствием скрасит ваше одиночество, – подсказал, кого надлежит взять с собой, герцог и позвонил в колокольчик. – Ему, возможно, недолго осталось, внимание невесты станет приятным воспоминанием.

Так вот почему Родриго отдал приглашение сам! Опасался, что найду другого спутника. Совсем не вяжется с недавним разговором. Герцог желал расстроить помолвку, а теперь вдруг подталкивал к Филиппу. Вывод один – он намекал на реальный брак. Мол, не разрывайте помолвку, Дария, выйдите за Филиппа, а я стану сахарным, предупредительным. Ох, не верю! И не продамса даже за такое покровительство и богатства рода Терских.

Огляделась и заметила эстраду для музыкантов. Чудесно, значит, смогу поговорить с Родриго во время танцев. Уверена, герцог пригласит меня. Лучше бы, конечно, напроситься к нему в кабинет, но Валерия заподозрит неладное. Насколько я понимаю, Родриго не хотелось посвящать ее в свои планы, значит, герцогский гнев падет именно на мою голову.

– Хотите поговорить, миледи?

Не заметила, как Родриго встал и оказался за моим сту-

лом.

– Отчего вы так решили?

Я напряглась, как струна. Пальцы похолодели, руки покрылись гусиной кожей.

Вроде, благожелателен, мил, но страшен. Спящий дракон!

– Вы нервничаете и постоянно смотрите на меня. Полагаю, Валерия не обидится, если мы ненадолго ее покинем. Зато потом вы по достоинству оцените десерт, игру в карты и танцы, дождетесь Филиппа.

– Филипп? – позабыв о приличиях, удивленно, громче, чем следовало, выдохнула я.

– Муж пригласил его, а маркиз таки соизволил прийти, – подала голос Валерия. – Вспомнил о статусе жениха.

И ни слова о том, что это ее сын.

Склонив голову, герцог галантно предложил руку. Извинившись перед герцогиней, оставила приглашение лежать на столе и вышла вслед за Родриго.

В полном молчании мы поднялись на один этаж, в покои его светлости.

Щелкнул замок, вспыхнул свет.

– Прошу! – Родриго отворил передо мной дверь. – Можете говорить свободно, никто не подслушает. Что-нибудь выпьете?

– Шерри, – неожиданно для самой себя ответила я.

Пожалуй, для храбрости самое то.

Герцог кивнул и направился к шкафчику у стены.

С интересом осмотрела кабинет. Он тонул в искусственном свете – портьеры на окнах плотно задвинуты. Тяжелые ламбрекены, подхваты – все, как положено во дворце. Назвать дом особняком язык не поворачивался. В кабинете преобладали черный, коричневый и бежевый цвет. Вместо картин карты и старинные гравюры. На них незнакомые города, парусники, животные. Я узнала только дракона.

– Они патрулируют границы, – герцог подошел к заинтересовавшей меня гравюре, мельком глянул и протянул бокал с крепким напитком.

– Вы точно прежде пили шерри? – Родриго подозрительно глянул на меня.

Будто мысли читал!

Честно призналась, зачем мне крепкий алкоголь, и выслушала совет, как и что пить. Оказалось, дамы тянут шерри маленькими глоточками и обязательно закусывают. Герцог хлопнул в ладоши, и через пару минут дух-слуга принес большую фруктовую тарелку.

– Расслабьтесь, миледи, вы не в логове врага, – рассмеялся Родриго и тоже плеснул себе шерри. Разумеется, больше, чем мне. – Все кресла и диван к вашим услугам.

Подумав, присела в кресло у стола. Герцог устроился в хозяйском кресле, обхватив бокал обеими руками.

– Я вас внимательно слушаю, – кивнул он, побуждая к разговору.

Сделала глоток для храбрости и закашлялась. Родриго

встал, заботливо постучал по спине и предложил заменить шерри чем-то менее крепким. Но уж если решилась, надо идти до конца, поэтому отказалась.

– Я пытаюсь разобраться в том, что вы от меня хотите, милорд. То жениться, то расторгнуть помолвку с вашим сыном, то взять его в спутники на маскарад, и скрываете планы от супруги.

– Хорошо, – кивнул герцог и хлебнул шерри. – Вытягивайте ноги, разговор предстоит долгий. По жене знаю, как тяжело женщинам долго ходить на высоких каблуках. Ничего страшного, – с лукавой полуулыбкой ободрил он, – никто, кроме меня, не увидит. Заодно расскажу, чем мы с Валерией еще вас порадуем. Поверьте, я не планировал превращать вечер в кошмар, мне действительно интересно слушать, наблюдать. Как за наиви, а не как за объектом сделки. Вы показались мне умной, образованной девушкой, к тому же из Умерры. Я бывал там, разумеется, но, сами понимаете, – Родриго усмехнулся и отставил бокал, потянувшись за виноградиной, – с определенными целями. Иная культура, иные ценности. Меня всегда привлекала новизна. Полезно расширять кругозор. Простите Валерию, она не хотела обидеть.

– Заверяю, я не обиделась.

Неожиданная приветливость герцога пугала. Она совсем не в его характере. За словами хозяина дома привиделась угроза, и я невольно подобралась, буквально вжалась в кресло, смотря на Родриго, как кролик на змею. Тот невозмутимо

попивал шерри, не делая больше попыток ни успокоить, ни начать одновременно столь желанный и столь страшивший разговор. Наконец бокал герцога опустел, и он отставил его на стол.

Мой фужер остался практически полон: я не сделала больше ни глотка.

– Итак, миледи, с чего начнем?

Передо мной снова сидел прежний Родриго Соурен, герцог Терский. Глаза холодно блестели в искусственном свете шаров, который бликами играл в бриллиантовых шпильках заплетенного в косичку хвоста. Любой другой казался бы с ним смешным, любой, но не герцог. Величественный, настоящий король. И сидел так же, сцепив пальцы на блестящей столешнице.

Съежилась еще больше и вперила взор в колени.

Импозантный брюнет пугал, однако, что скрывать, и вызывал интерес. Как любая женщина, я ценила породу, а ее в Родриго хватило бы на десяток мужчин. Сейчас, когда он сидел в строгом кабинете в позе расслабленного льва, она проступала с особой силой.

– Миледи, вам холодно?

Родриго неожиданно поднялся, и я, подумав невесть чего, чересчур громко вскрикнула:

– Нет!

Герцог вздрогнул и изумленно уставился на меня. Потом нарочито неспешно, будто боясь испугнуть, прошел мимо

кресла к камину и присел на корточки, разжигая огонь. Повинуясь магии, он вспыхнул мгновенно, стоило только подбросить поленья и немного поворошить угли.

– Вы дрожали, я решил, от холода, миледи, – так же медленно, как двигался, словно говорил с маленьким ребенком, ровным тоном сказал Родриго и встал, отряхнув колени. – Право слово, не знаю, чем так напугал вас.

Покраснев, отвернулась.

Как неловко вышло!

Герцог подошел ко мне и положил ладонь на спинку кресла. Я не видела, а скорее чувствовала чужое присутствие, потому что по-прежнему не решалась повернуться. Кажется, Родриго пристально смотрел на меня. Я ощущала его взгляд на шее. Не выдержав, нервно поправила ожерелье и ахнула, когда пальцы герцога коснулись руки. Захотелось вскочить и убежать, только воспитание удержало в кресле.

– Какие у вас холодные пальцы, миледи! – с укором проворкотал герцог. – Второй раз за вечер вы принимаете меня за преступника. Кажется, мы уже прояснили данный вопрос.

Пальцы Родриго чуть сжали затянутую в ажурную перчатку руку и поднесли к губам. Никакого касания, поцелуй воздуха над ладонью. После герцог отпустил руку и протянул недопитый бокал с шерри.

– Успокаивайте нервы, миледи. Пейте, я подожду. Если хотите чего-то еще, скажите.

Кивнула и дрожащей рукой поднесла бокал ко рту.

Первый глоток дался тяжело. Крепкий напиток обжигал горло, но я давилась и пила. В итоге герцог отобрал фужер и чуть ли не силой заставил съесть целый апельсин.

В кабинете стало заметно теплее. Мне тоже. Что тому виной: огонь камина или выпивка, – не знаю.

– Итак, я весь во внимании, – Родриго вернулся в кресло за столом. – Или лучше говорить мне? Пожалуй, так. Вы придете в себя и зададите недостающие вопросы. Не обещаю ответить на все, но постараюсь быть настолько честным, насколько возможно. И, – губы герцога тронула легкая улыбка, – не пейте больше шерри. Я налью вам вина. Оно легкое, не затуманит голову, заодно чем-то займете пальцы. Вам ведь нужно скрыть волнение, не так ли? Хотя, свидетели двенадцать Вседержителей, герцоги такие же люди, как все остальные.

Родриго сделал паузу, видимо, ожидая ответа, и я решилась, подняла голову.

– Ваша светлость, вы прекрасно знаете, каковы причины моих опасений. Вы герцог, могущественный маг, которому я косвенно, но насолила, я же никто, помню ваш взгляд, ваш тон на приеме. Вы можете сколько угодно улыбаться, но останетесь драконом. Крылатых ящеров следует уважать и ни в коем случае не переходить дорогу.

В кабинете раздались скудные аплодисменты.

– Нет, я тоже не ошибся. – Зеленые глаза блестели, на дне плясал теплый огонек настоящего, не наигранного веселья.

Выдохнула и расслабилась. – Умная девушка, хоть и неопытная. Пошли вам Великая Мать хорошего мужа! Только держите глаза широко открытыми, а то выберете кого-то, вроде Филиппа или нынешнего любовника. Можете обижаться, но я невысоко ценю Геральта Свейна и дам бесплатный и, самое главное, бескорыстный совет: заставьте его уважать себя или уходите. У вас отныне есть земли, по слухам, Соланж Альдейн купил вам особняк в столице. Вы дворянка, леди, а изображаете содержанку, позволяете мужчине получить себя безо всякой платы, даже без ухаживаний. Ну, – беззлбно, словно близкий родственник, выговаривал Родриго, – как это называется?

Аж поперхнулась от такой откровенности. Герцог же, как ни в чем не бывало, вновь подошел к шкафчику и налил красного вина. Обоим. Сам тоже не стал больше пить крепкого.

Послужило ли причиной странного поведения спиртное? Нет, Родриго не пьян, да и что делается здоровому мужчине от пары бокалов? Это я не рассчитала, хлебнула шерри и мучилась от стыда. Как жарко и как хочется прикорнуть на мягкой обивке!

– Дария, это не Умерра, пора о себе подумать. Смотрю я на вас и гадаю, сознаете ли хотя бы, кто вы?

– А? – удивленно подняла на него мутноватый взгляд.

В тепле, в уюте тело окончательно перестало подчиняться разуму. Леди так себя не ведут, не хватало еще заснуть!

– Сейчас. – От Родриго ничего не скроешь.

Кончики ушей порозовели. Как чувствовала, не ужин, а самый большой позор в моей жизни.

Герцог отставил предназначавшийся мне бокал и достал новый. Потянулся к шкафчику, пробежался пальцами по бутылкам и ловко выудил самую маленькую, без этикетки.

– Воды!

Дух мгновенно принес вспотевший графин.

Сообразив, что мне собрались давать средство от похмелья, воспротивилась, но владелец дома упрямо стоял на своем. Пришлось принять из рук Родриго фужер со странным содержимым. Капли не растворились в воде, а образовали на поверхности спираль. Пить было страшно: видела, герцог колдовал над бокалом, но пришлось, чтобы не обидеть. На вкус напиток оказался кисловатым и, самое главное, всю сонливость как рукой сняло.

– Прошу! – с легким поклоном Родриго водрузил передо мной бокал с вином, когда только успел налить, и забрал опустевший, из-под лекарства. С шерри пришлось расстаться парой минут ранее. – Вам должно полегчать. И, леди, – он пожурил, словно добрый дядюшка, – не пейте больше незнакомых напитков в мужской компании. В Веосе строгое воспитание, мальчиков муштруют с детства, но мало ли кто воспользуется.

– Мне так неловко...

Ситуация премерзостная. Кем теперь меня считает хозя-

ин дома? Пьяницей.

– Ничего! – Родриго ободряюще похлопал по руке. – Вы переволновались. Сам виноват, напугал. Постараюсь говорить мягче. Расслабьтесь, пейте вино и верьте: вы желанная гостья, а не товар или невеста на смотринах.

В кабинете на некоторое время воцарилась тишина.

Мирно потрескивали дрова в камине.

Я смотрела на пальцы герцога, сжимавшие бокал, а Родриго – на картину с непонятным шипастым существом.

– Итак, обещанные объяснения, – встряхнулся владелец кабинета и поставил фужер на стол. Вино многократно отразилось на полированной поверхности. – Дело в том, – герцог сделал короткую паузу, решая, сколько можно мне рассказать, – что мы с Валерией по-разному относимся к Филиппу. Супруга его не простит, я в этом отношении более гибок и надеюсь на возвращение сына. Как я уже говорил...

Он мотнул головой и облокотился о спинку кресла. По всему было видно, разговор ему неприятен.

– Как я уже говорил, – повторил Родриго, поморщившись, – я понимаю, что подвигло вас на опрометчивый шаг. Не подумайте, будто я вас жалею, нет, это связано исключительно с будущим Соуренов.

– Я не пара вашему сыну? – задала напрашивающийся вопрос.

Герцог тихо рассмеялся.

– Вовсе нет. У вас дар, миледи, вы наиви, и, несмотря на

низкий титул, пара даже мне. Дело не в этом: вы не станете жить с Филиппом. Развод уничтожит сына, лучше ему умереть, чем стать ненужным. Положение Филиппа и так слишком шатко, развод и вовсе лишит его шанса завести семью. Вы, наверное, знаете, мужа выбирает женщина. – Кивнула. – Так кому нужен мужчина, которого отвергли? Только провинциальной леди, мечтающей стать герцогиней.

– А вас такая не устраивает? – не удержалась от колкости.

– Меня? – Родриго наградил убийственным взглядом. – То есть вы считаете, что я обрадуюсь подзаборной невестке без титула?

Вздрогнула, испугавшись за бокал – пальцы герцога щелкнули в опасной близости от него. Но нет, Родриго не собирался портить дорогую мебель и добавлять работы слугам. Он быстро успокоился, взяв под контроль приступ ярости.

– Хотя вы правы, – глухо продолжил он, кивнул, – обязан обрадоваться. Хоть какая-то согласилась! Еще самому уговаривать придется. В то же время Филипп заслуживает наказания, поэтому я и говорил сегодня об отмене помолвки до оглашения. Пусть уедет, поджав хвост, зная, что его никто не ждет. Заодно Валерия останется довольна, может, даже простит со временем, если сын помучается и отличится в бою. Ваш отказ – отличный стимул. Филипп из кожи вон вылезет, чтобы восстановить пошатнувшееся самолюбие. Да, он не тот ребенок, о котором я мечтал, хоть и взял от меня магию, но другого у меня не будет.

– Ой ли? – Родриго сам подталкивал к откровенности. – Не так давно вы подумывали о женитьбе и втором наследнике. Да и наложницы, как бы вы к ним ни относились, сомневаюсь, будто ни одна не понесла от вас.

Губы герцога дернулись. Он сцепил пальцы, едва ли не ломая кости. Ноздри трепетали, глаза потемнели – все признаки ярости налицо.

– Вы переходите границы, миледи, – холодно отчеканил Родриго, – но я отвечаю. Я женат и для меня существует только супруга. К сожалению, она пожелала родить всего одного ребенка, отсюда столько проблем. Но лучше Филипп, чем один из бастардов, рожденных до брака. Ни один из них не примерит герцогской короны. Через мой труп!

Вздрогнула – с такой ненавистью он это произнес.

Напрасно, напрасно я наступила на большую мозоль! Родриго ведь намекал – нет, полезла. Спешивается, зачем? Лично ребеночка рожать собралась? Только долго бы пришлось герцогу стараться, жалко его. У темных и светлых дети рождаются только по любви.

– Но вы можете жениться вторично, – проблеяла я.

Родриго смерил меня унижающим взглядом и в который раз вогнал в краску.

– Жениться я могу только на вас, иной жены Валерия не одобрит. Тема закрыта, миледи. Догадываюсь, у вас осталось еще много вопросов, но я и так позволил вам узнать слишком многое. Надеюсь, ничего из сказанного не покинет пре-

делов кабинета.

Сглотнув, кивнула.

Мышцы на лице герцога расслабились. Он улыбнулся и отвесил замысловатый комплимент. В ответ на недоуменный взгляд Родриго потеплевшим голосом пояснил:

– У меня в гостях прелестная леди, а я еще ни разу не сказал ей ничего приятного, снова заставляю дрожать.

– Разве навсеи не любят чужой страх? – Истина казалась настолько очевидной, что не спрашивала – утверждала.

– Страх слабого не приносит удовольствия. Выдохните, успокойтесь, впереди только приятности. Надеюсь, леди не откажется потанцевать со мной. Или отдадите первый танец Филиппу?

– Вам, – вряд ли предполагался иной ответ.

Герцог заверил, он безмерно горд оказанной чести, даже поклонился, прижав руку к груди. Потом открыл ящик стола и извлек из него шкатулку.

– Что это? – недоверчиво покосилась на нее, не спеша принимать подарок.

– Опал. Хотите, продадите, хотите, закажете оправу. Маленькая плата за беспокойство, которое я причинил. Во избежание домыслов, миледи, я не пытаюсь ухаживать, а действительно возмещаю понесенный вами урон. Вы нервничали, боялись собственной тени. Полакомитесь хотя бы десертом. Повар старался и обещал нечто потрясающее. Я не видел, но Валерия утверждает, пальчики оближете.

Снова радушный хозяин, милый, приветливый, услужливый. И будто пару минут назад тот же человек не играл желваками, не пугал рвущимся наружу на-ре. К счастью, черное облачко второй сущности навсеев не показалось.

Помедлив, открыла шкатулку и ахнула. Опал оказался огромным, идеально правильной формы и полупрозрачным. Принять такой подарок от малознакомого мужчины? Нет, не могу, иначе обрету определенные обязательства.

Захлопнув крышку, решительно пододвинула шкатулку к герцогу. Тот едва заметно нахмурился.

– Миледи, – голос звучал официально, но сквозь холод проскальзывали опасные нотки, – вас, вероятно, плохо знакомили с этикетом.

– Меня учили не принимать ничего от мужчин, если не состоишь с ними в отношениях, ваша светлость.

Сидела и гадала, насколько серьезным окажется гнев Родриго, которого, сама того не желая, столько раз оскорбила сегодня.

– Разве это наш случай? – удивленно поднял брови герцог. Пальцы барабанили по столу. – Я ваш будущий свекор. Для всех, разумеется, – он усмехнулся одними губами и чуть подался вперед. Я же, наоборот, отпрянула. – Мы-то с вами знаем, что помолвка – игра.

Поборов желание вскочить на ноги, замерла, боясь пошевелиться. Родриго тоже не двигался, отчего становилось только страшнее. Но вот, наконец, лицо герцога просветле-

ло, и он вернул телу прежнее положение.

– Какие мы все-таки разные! – задумчиво протянул Родриго. – Навсейка чопорно приняла бы подарок, пожалуй, заявила бы, что он мал, вы же думаете о побеге. Не отпирайтесь, миледи, у вас все написано на лице. Даже обижаться бесполезно. Подарок вы возьмете. Да, возьмете, Дария, – напористо повторил он, не позволив открыть рта. – Хотите считать платой за помолвку, считайте. И перестаньте думать обо мне всякие гадости. Я никогда не позволял себе вольностей с женщинами, происхождение ничего не меняет. Светлая или темная, вы женщина, дворянка, подданная Веоса. Поверьте, мне крайне неприятны ваши слова, с таким же успехом могли надавать пощечин.

– Но... но я ничего такого не говорила! – побледнела я.

А в голове щелкнуло: «Лангу бы он унизил, да что там, убил».

Герцог помолчал. Палец с массивным родовым пальцем скользнул по ножке бокала. Та жалобно зазвенела.

Задержала дыхание.

Один. Два. Три.

Отчего он молчит? Великая Мать, что он со мной сделает?!

Пальцы от волнения свело болезненной судорогой.

– Говорили, – Родриго всем корпусом обернулся ко мне. – Вы усомнились в моей чести. Учитывая разницу в нашем положении, не самый умный поступок. Но давайте уже придем

к согласию, – он через силу растянул губы в улыбке и пару раз вздохнул. Преображение вышло мгновенным, только что сиятельный владелец дома излучал угрозу, и тут снова само спокойствие и радушие. – Повара приготовили вкусный десерт, хотелось бы насладиться им, а не давиться. Пока же вы делаете все, чтобы испортить аппетит себе и окружающим.

На щеках расцвели два алых пятна.

Нужно поговорить с Элланом. Ох, о скольких вещах необходимо с ним побеседовать! Бедный учитель взвывает и проклянет день, когда согласился со мной заниматься. Но так уж получилось, что отношения, этикет и прочие вещи, которые навсеям прививают с детства, я могу обсудить только с ним. Геральт вечно не договаривает, отделяется общими фразами. Норжин, его подросток-сын, более откровенен, но мы не столь близки, да и неловко как-то, и ему, и мне. Подруг у меня нет, не у горничной же спрашивать! Остается лорд Марон. Поражаюсь его терпению! Он ни разу не накричал, практически всегда улыбается, даже когда сердится, просто замыкается в себе. Только я неизменно остро ощущаю его обиду, будто Чувствующая.

– Ничего, – с покровительственной улыбкой заверил герцог, – вы освоитесь. Только аккуратнее в высшем свете. То, как вы разговариваете со мной, – мило, забавно, но до известной степени.

– Постараюсь исправиться, ваша светлость.

Родриго кивнул и поинтересовался, заберу ли я шкатул-

ку с собой или доставить ее с нарочным. Предпочла второй вариант: успею придумать объяснение для Геральта. Он ревнив и наверняка спросит.

– Разумеется, если это не затруднит вашу светлость, – добавила на всякий случай.

– Что вы, сущие пустяки! – отмахнулся Родриго. – А теперь пройдем в порталную комнату. По моим подсчетам Филипп прибудет с минуту на минуту, давайте его встретим.

Герцог подошел и протянул руку. Покорно оперлась на нее, бросив тоскливый взгляд на бокал. Не то, чтобы мне хотелось пить, просто вино придавало храбрости. Перехватив мой взгляд, Родриго кивнул и свободной рукой подал злощастный фужер. Даже неловко стало.

– Что вы любите, миледи?

Вопрос застал врасплох. Широко распахнув глаза, крепко сжимая ножку бокала, не понимая, смотрела на герцога.

– Я хочу сделать вам приятное, только и всего, – пояснил он. – Бисквиты, пирожные со сливочным кремом, какой-то особый чай, танцы? Должен же я выполнить долг хозяина!

– Это деловой ужин, ваша светлость, подобное излишне.

Разве я не понимаю, зачем меня пригласили!

– Мы уже все обсудили, миледи, остались только развлечения.

– Да кто я вам, чтобы так тревожиться?

– Всего лишь маленькая светлая. Единственная светлая во всех мирах.

Герцог настаивал на ответе, и я, подумав, назвала танцы и ягодное мороженое. Родриго заверил, будет и то, и другое, и галантно, без помощи рук, распахнул передо мной дверь.

Мы не спеша шли к лестнице – порталная комната находилась на первом этаже. Герцог, стараясь то ли развлечь, то ли отвлечь, бегло рассказывал историю дома. Он оказался старше замка магистра Онекса – серого, которого шестнадцать лет считала своим отцом, и, судя по недомолвкам, не так прост, как казался на первый взгляд. Родриго поведал о пространственных иллюзиях, одну даже позволил увидеть. Он взмахнул рукой, и под мое изумленное аханье из воздуха возник арочный проход в тронный зал. Он не походил на королевский: иная архитектура, пейзаж за узкими высокими окнами. Истершиеся плиты, трон, больше походивший на диковинного спящего зверя, герб Соуренов над ним. Значит, я права, герцоги Терские некогда правили Веосом и наверняка в родстве с правящим монархом. Поколебавшись, высказала предположение вслух.

– Верно, – довольно кивнул Родриго, вновь наложив иллюзию. Значит, таки хотел похвастаться, произвести впечатление. – Я показал часть старого замка. Он реально существует, но не в Дебрише. Если сохраните добрые отношения с Филиппом, а он заслужит прощение рода, возможно, увидите. Замок, конечно, холодный, в горах. Туда можно добраться только на драконах или порталами. Через один из подобных порталов мы смотрели на тронный зал.

Так это не иллюзия? Какой же магической силой обладал стоявший рядом человек? Ну да, Филипп пошел в отца, владеет четырьмя стихиями. А герцог? Искоса глянула на Родриго и осторожно высвободила ладошку. Как же, кто мне позволит!

– Вас что-то беспокоит? – Родриго проявил наблюдательность.

– Гадаю, как не нажать врага, – сегодня я безрассудно честна.

– Я не воюю с женщинами. Да и сами подумайте, миледи, разве врагам показывают родовое гнездо, пусть и издали, через экранацию портала?

Тоже верно. Могла бы сама догадаться.

Не знаю, что на меня нашло, наверное, хотелось загладить вину за перебор с подозрениями, но я попросила герцога показать раненую руку. Он отреагировал на редкость сдержанно, высвободил локоть и, закатав рукав пиджака, расстегнул манжету рубашки, чтобы обнажить следы от магии на запястье.

– Вы ведь это хотели увидеть? – Пронзительные зеленые глаза смотрели спокойно, но в глубине зрачков звенела пружина напряжения. – Я знаю, вы лекарь, а не хиромант, никаких нежных чувств ко мне не питаете, значит, профессиональный интерес. Хорошо, смотрите.

Родриго вытянул руку и добавил света, чтобы мне было лучше видно.

Да, я хотела вылечить последствия допроса, только довериться ли герцогу, не завладеет ли сознанием его на-ре? Глупая ланга повторяла прежние ошибки, но должна же я что-то сделать, чтобы перестать чувствовать себя виноватой.

Мучительно медленно сняла перчатку и после ободряющего кивка – можно – прикоснулась к запястью.

Магия обезобразила кожу, вонзилась в плоть и вышла сквозь кости с другой стороны. Представляю, какие муки пережил Родриго!

Запястье чуть припухло, будто на месте срастающегося перелома.

Нерешительно надавила на кожу подушечкой пальца.

Герцог показал свою слабость. С одной стороны, я светлая, ничтожество, с другой – женщина, а он навсей, у них строго с подобными вещами. Значит, доверяет. Доверяет – мне! Немыслимо и почетно!

– Можете убрать? – деловито поинтересовался Родриго.

Кивнула.

Ага, вот и ответ – показал не просто так. А я-то уж запаниковала, с чего вдруг такое доверие.

– Действуйте, не трону.

Внутренне содрогаясь от страха, погрузилась в любимую работу. Краешком глаза уловила движение на-ре герцога. Уже поздно, Дария, ты вся в его власти. Однако Родриго сдержал слово, стоял и не двигался, пока укрепляла кости, приводила в прежний вид связки и наращивала кожу.

Работа выдалась сложнее, нежели виделась на первый взгляд. Магия повредила структуру ткани, даже частично изменила состав крови, но я сумела, покойный мэтр Дорн бы гордился.

При воспоминании о строгом, скупом на похвалы учителе расплакалась.

В руки ткнулся носовой платок.

Спасибо, герцог не стал задавать вопросов, просто терпеливо ждал, пока приведу чувства в порядок. Разглядывал запястье и молчал.

В той же тишине мы прошли в порталную комнату. Родриго попросил подождать на пороге и достал пирамидку связи. Столп света явил Филиппа. Он выглядел странно, непривычно: скромная одежда, щетина, полное отсутствие украшений, ни запонок, ни булавок для галстука. Последний тоже отсутствовал.

– Ну и видок! – вместо приветствия отчитал Родриго. – Ты так явишься к матери и невесте? Смотри, Филипп, я-то могу завести другого сына, а вот ты нового отца не получишь. Где тебя носит?

– Вызвали в Замок магов. Экипировку получал. Сам знаешь, – кривая улыбка исказила лицо, – в Умерру в пиджаке не ездят.

– Не оправдание, – отрезал герцог. – Пять минут, Филипп, и чтобы был тут!

Изображение брюнета исчезло.

Родриго стоял и хмурился, затем, спохватившись, извинился передо мной за сына и предложил сесть. Минутой позднее прозвучала запоздалая благодарность за запястье.

Филипп явился в назначенный срок.

Линии на полу полыхнули. Яркая вспышка, и вот уже в комнате стоял брюнет, наскоро причесанный, выбритый и одетый в парадный костюм. Бедняга на ходу застегивал манжеты. Герцог зыркнул на него исподлобья, и Филипп покаянно опустил голову. Значит, боялся отца.

– Воспитание, сын, – холодно напомнил Родриго. – Не заставляй сожалеть о принятом решении.

– Я очень признателен тебе, – Филипп поклонился, прижав руку к сердцу. – А матушка, она?..

Он не договорил, но в голосе сквозила надежда.

– Нет, – обрубил ее на корню герцог. – Благодарю леди Эрассу за то, что дышишь, а я говорю с тобой.

Слова прозвучали ударом бича, словно Родриго говорил не с сыном, а с вассалом. Выглядел он соответствующе: отгородился от Филиппа невидимой стеной, замкнулся в себе. Жутко! Как можно так с собственным ребенком?! Не верю, что герцог не догадывался об одержимости сына. Те же глаза разного цвета, их не спрячешь. Родриго умен, а дети не умеют притворяться, Филипп бы обязательно выдал необычные способности.

Остановила себя. Дария, а что ты, собственно, знаешь о детстве жениха? Ты уверена, что отец обращал на него вни-

мание? Герцог весь в политике, ему не до сына. Учителя, школа или пансион, обязательная служба в Мире воды – и никакой любви. Геральт тоже не питал никаких чувств к Норжину, наследник и только. Он рос волчонком и боялся отца. У Филиппа страх сохранился до сих пор, хотя брюнету за тридцать. А ты говоришь о любви, заботе! Открой глаза и пойми, от маркиза Соурена всю жизнь требовали не посрамить родового имени. Справляешься – молодец, нет, мать наденет траур.

С другой стороны, вроде, Родриго что-то испытывал к сыну. Подошел же после суда, не отрекся и сейчас думал о будущем. Пусть в ключе судьбы рода, но думал. Валерия, та старательно делала вид, что сына нет, а за столом сидит незнакомец.

Кадык Филиппа дернулся, кулаки сжались в бессильной злобе, но он не посмел даже косо взглянуть на отца. Брюнет быстро взял себя в руки и рассыпался передо мной в комплиментах. Следуя правилам, он опустился на колени и расцеловал руки. Я уже не вздрагивала, не возражала, знала, так положено. Мы с Элланом много репетировали, лорд научил высокомерно не замечать выражения симпатии. Женщины здесь стоят на полступени выше мужчин и вертят ими, как хотят. Разумеется, речь о равных. Попробуй я, к примеру, потребовать от Родриго Соурена встать на колени! Формально повод имелся, только вот мы стоим на разных концах социальной лестницы. И то герцог предупредителен, по той же

причине: я женщина благородного происхождения, вёска. Милостью короля новой родиной стало королевство темных. Столько всего разом переменялось в жизни! К лучшему, разумеется. Сначала пленница, затем наложница – сомнительная защита от произвола окружающих. Леди звучит гордо, леди – гарантированная защита короны.

Милостиво приняла излишняя чужой нежности. Понимаю, они не от души, но слишком много захотела!

Краем глаза заметила одобрителный кивок Родриго. Он предназначался не мне – сыну.

Филипп чуть ли не насильно всучил очередной подарок: ожерелье. Брюнет эффектным жестом выудил его из воздуха. Значит, отдал духу-слуге, когда пришел.

Герцог горделиво наблюдал за спектаклем, а потом напомнил о десерте.

– Ты позволишь?

Один взгляд, и Филипп отступил в сторону.

Родриго взял под руку и повел обратно в столовую. Там я вновь ощутила вековой холод. Он исходил от хозяев дома и предназначался Филиппу. Его посадили не туда, куда следовало, словно подчеркивая: ты теперь не маркиз Соурен, не наш сын. Зато со мной обращались как с почетной гостьей. Подлить вина, положить мороженого, отрезать тортика, налить чаю? Что еще угодно миледи? Герцог улыбался, взяв на себя обязанности слуги. Филиппу оставалось только молчать и терпеть. Видимо, он понимал, пренебрежение – часть

наказания.

Валерия демонстративно не замечала сына. Она обратилась к нему единственный раз, спросила, когда Филипп уезжает, и назвала на «вы».

Танцы немного разрядили обстановку.

Герцогиня присоединилась к нам и, когда заиграли музыканты, прошла вслед за нами в залу.

Я отдала первый танец Родриго и, признаться, получила удовольствие. Сначала жутко волновалась, как в свое время с королем. Тогда на меня охотились некроманты, я считалась наложницей Геральта и впервые попала на бал. Помнится, тогда меня возмущали наряды местных дам, сегодня сама надела подобный. Глубокое декольте при реверансах открывало заманчивый вид на припудренные и посыпанные бриллиантовой крошкой соски, но никакого стеснения я не испытывала. Пусть кавалеры любят грудь, она у меня красивая. Да, всего какая-то пара месяцев, и собственное тело из предмета стыда превратилось в предмет гордости. А мода... Принято тут дразнить мужчин на торжественных приемах. Видимо, чтобы подстегнуть на подвиги во имя обладания прелестницей. Я, правда, не собиралась соблазнять ни отца, ни сына. С другой стороны, Филипп уже побыл моим любовником, а герцог скользил равнодушным взглядом. Для него существует всего одна женщина – супруга.

Словом, фасон платья в тот вечер меня совершенно не волновал, и я наслаждалась мастерством партнера. Герцог

двигался с величественной грацией, вел уверенно, развлекая светской болтовней. Затем он уступил место Филиппу.

Руки брюнета оказались холодными и в мозолях. Откуда они, предпочла не спрашивать.

Былая веселость и самоуверенность Филиппа улетучилась, я ощущала нервозность, напряженность, которая вылилась в вопрос:

– Вы не придете меня провожать, Дария, бросите до отъезда?

Значит, он в курсе. Заглянула в сосредоточенные глаза брюнета и убедилась, отец успел с ним поговорить и обрисовать картину грядущего позора. Странно видеть на дне зрачков панику и неуверенность. Темные сильные, а тут предчувствие конца. Разумеется, внешне Филипп спокоен, только вот в душе нарастает тревога.

Неужели в Веосе все настолько серьезно? Впрочем, не делай из себя дурочку, Дария. Ты прекрасно знаешь, Филипп – бракованный жених. Раньше мог распушить хвост, теперь радуется тому, что осталось. Даже если отринуть местные нравы, он осужден, обвинения тяжкие.

Заверила Филиппа в неизменности планов и предложила стать спутником на маскараде. Филиппу уезжать на следующий день, пусть повеселится на прощание. Брюнет просиял и расцеловал руки, обещав щедро отблагодарить за доброту.

Стало его жаль. Не обидится же Геральт, если проведу неделю с Филиппом? От брюнета все отвернулись, догады-

валась, как ему тяжело. Вдобавок он ведь может не вернуться, может, немного скрасить унылое существование? Пусть Филипп совершил мерзкий поступок, но нужно уметь прощать. Жестоко карать человека за глупость. Однако королева в своем праве, не мне ее осуждать.

Глава 2

На бале-маскараде мне предстояло порхать в образе сильфа. Геральт заверял, я похожа на духа воздуха: светлые развевающиеся волосы, обескураживающая добротой улыбка. В итоге сшила у портнихи белое платье с серебряным лифом, отороченным кружевом. Полупрозрачные летящие рукава с разрезами, шлейф и воздушные нижние юбки из жесткого прозрачного материала добавляли наряду объема. Крылышки, как у бабочки, специальными заколками крепились к спине. Разумеется, маска из перьев, скрывающая поллица, и диадема с бриллиантами – подарок Филиппа. Брюнет за неделю засыпал драгоценностями, оплатил наряд для маскарада. Полагала, Геральт обидится – нет, воспринял как должное.

Любимый обещал подготовить «безделушки» – так он называл кольца, шпильки и обувь. Все высшего качества, достойное королевы.

Геральт посоветовал надеть опал герцога:

– Вряд ли он подарил камень просто так. Сделай приятное, покровитель – счастье для девушки твоего круга.

Пропустила замечание мимо ушей. Неприятно, конечно, когда тебя жаждут уложить в чужую постель, но отчего-то я иного от Геральта не ожидала. Отношения наши изменились, я уже не заглядывала в рот любимому, видела его недо-

статки и понимала: он не прекрасный принц. Мы по-прежнему занимались любовью, я по-прежнему нуждалась в Геральте, но что-то незримо изменилось. Трудно сказать, что именно, но одержимость Филиппа провела черту между прошлым и будущим.

Итак, опал. Куда его пристроить? На шею? Да я головы не подыму: камень слишком тяжелый. Поместить в диадему? Ювелиры за деньги быстро сделают, только вес никуда не денется. В жезл сильфа? Треснет. В итоге пришлось отказаться от идеи подмаслить герцогу и довольствоваться ожерельем Филиппа – тем самым, которое он подарил на ужине. Страшно подумать, сколько стоила эта россыпь бриллиантов.

Геральт изображал ланга. Приличия требовали от него почитать память Элизы, поэтому он выбрал лиловый цвет.

– Как-никак, я вдовец, – хмыкнул он.

– Но не носишь траура, – напомнила я.

Прах Элизы давно исчез из кабинета Геральта. Видимо, навсей отдал его родственникам погибшей супруги. Он ни словом не обмолвился об убитой – и тут вдруг такое рвение, игра напоказ. Неприятно. Лицемерие входило в число неодобряемых мной вещей.

Вот и теперь Геральт говорит о лиловом в спальне другой женщины, развалившись на постели с бокалом вина в руках.

– Элиза – преступница, убийца, какой траур, Дария? – рассмеялся любовник. – Никто, абсолютно никто не жалеет о ее смерти. Однако на официальных мероприятиях я обязан

изображать скорбящего мужа. Хотя, – он улыбнулся и ласково коснулся щеки, слегка пощекотав губы большим пальцем, – это не помешает мне ухаживать за другой леди.

Раньше бы я растаяла, расплылась в ответной улыбке, а теперь задумалась. Меня и прежде посещали вопросы, тут еще слова герцога – словом, хотелось определенности. И я во второй или третий раз за время нашего романа спросила:

– Кто я для тебя? Для Филиппа – невеста, а тут? Любовница?

Геральт помрачнел и сел, поправив и так безупречный галстук. Навсей сделал пару глубоких вдохов и глухо оборонил:

– Любовница.

Слово было сказано, но легче не стало. Я ожидала услышать другое, замерла в сладостном ожидании, а тут волна холода окатила сердце. Из горла вырвался легкий вздох разочарования. Геральт среагировал мгновенно, заключил в объятия и прошептал в волосы с нежными, немного сюсюкающими интонациями: «Ш-ш-ш, ну чего ты? Сама хотела, сама обиделась?» Его объятия, одновременно крепкие и невесомые, успокаивали. Хотелось растечься в них деревенским сыром на сковородке.

Право же, какая я дура! На Геральта столько всего свалилось, разумеется, он отдалился, стал раздражительнее. Только вот любовью он теперь занимался иначе. Иногда я ловила Геральта на отстраненности. Вроде, ласкает, целует, а мыс-

лями где-то далеко. Движения отточенные, сделал дело и отвернулся.

Нет, если ты и дура, то оттого, что старательно закрываешь глаза. Не желаешь замечать, находишь оправдания, но ведь он отворачивается! Я еще там, на вершине, не успела утихнуть сладостная дрожь, а Геральта уже нет. Прежде он оставался, позволял наслаждаться отголосками единения, целовал, а теперь... Словно все сводилось к физической близости. Получить и ничего не отдать взамен.

Внутри всколыхнулась обида, захотелось рассказать Геральту о предложении герцога Терского, пусть задумается. В итоге не стала. В конце концов, Родриго оставил в покое, а если Геральт не хочет жениться... Судорожно вздохнула. Он и после рассказа о герцоге не захочет. Чувства либо есть, либо нет.

Любовник поцеловал в волосы и потерял кончиком носа о затылок.

Прикрыв глаза, развернулась в уютных объятиях и на ощупь положила руки на плечи Геральта. Так, целуясь, мы, казалось, провели целую вечность. Дыхание слилось воедино. Язык любимого ласкал мой, учил волнительному танцу, от которого сердце прыгало в горле. Я тянулась к Геральту, старалась стать его частью.

Губы горели. Откуда-то изнутри поднималась волна тепла. Она становилась все сильнее, все горячее и буквально сжигала. Теперь любое прикосновение отзывалось дрожью,

будто в меня ударили миниатюрные молнии.

Тело охватило желание принадлежать мужчине, воспарить над землей и не возвращаться на землю. Никогда бы не подумала, что во мне скрыт такой огонь!

Сейчас!

Пальцы нащупали галстук Геральта, чтобы развязать, когда все неожиданно закончилось. Любимый мягко, но непреклонно отстранил меня и напомнил: мы приглашены на маскарад.

Не скрывая разочарования, кивнула.

Маскарад! Какая мелочь! Мы успели бы заняться любовью и никуда не опоздали. Прежде Геральт бы не отступил, а тут сбежал, стоило красноречиво высказать желание. Право слово, не похоже на него! Он ведь не мог насытиться, брал снова и снова, пока не переполнял сосуд. Именно так, я ощущала себя сосудом, в который до краев заполняли счастьем, настолько острым, что от него сводило живот. Мнилось, еще немного и захлебнусь – вот, как мы занимались любовью.

– Давай выпьем лимонада перед уходом? – предложил Геральт. Он сделал вид, будто ничего не заметил. – Тебе не повредит охладиться.

Обескураженная, села и посмотрела на любимого. Жгучий стыд прогнал остатки желания. Я хотела мужчину, а меня оттолкнули.

Поджав губы, отвернулась, торопливо поправляя прическу, и не своим, бездушным, голосом отказалась от лимонада.

– Обиделась? – Руки Геральта обвилились вокруг талии. – Пойми, нельзя пропустить торжественный выход короля. Мы наверстаем, обещаю. – Легкий поцелуй в шею. – Ты ведь позволишь снять с тебя подвязки?

Кивнула и, вздохнув, изогнулась в объятиях навсея, чтобы достать до его губ.

Мимолетное прикосновение, и мы разошлись наводить «красоту» перед балом-маскарадом.

Геральт тоже получил приглашение. Для меня это стало сюрпризом. Казалось бы, опала, потеря части земель, но, в то же время, королева согласилась переговорить, не прогнала, любимый таки добился своего.

Насколько мне известно, Геральт после суда часто ездил во дворец. Зачем, не знаю. Прежде он числился королевским Законником, был обласкан ее величеством. После суда та отдала от себя бывшего любимца, однако, судя по слухам, ситуация теперь изменилась. Доподлинно знала, навсей пропал именно в покоях королевы Евгении. Пробовала спрашивать, но Геральт упорно молчал, вопрос о приглашении тоже проигнорировал. Положено по статусу и все, понимай, как хочешь. Оставалось строить догадки, одна нелепее другой.

Приглашение я видела: «Графу Местрийскому без сопровождения». Подписано, как мое, выдержано в тех же вежливых нейтральных тонах, на дорогой белоснежной бумаге с золотым тиснением. Значит, от королевы. Странно, отчего Геральт не желал поделиться маленькой победой? Лю-

бое внимание после негласной опалы – несказанный подарок судьбы, знак того, что перед любимым не закрылись двери королевских покоев.

Смотрела на собственное отражение в зеркале, на смелое декольте по местной бальной моде – подобные мероприятия – еще и ярмарка знакомств, дамы практически оголялись в начале балов не только из-за невыносимой жары – и понимала, отсидеться в уголке не выйдет.

Натянула кружевные перчатки, сбрызнулась духами и повесила на пояс веер. Без него не обойтись.

Геральт ждал внизу. Траурный цвет ему шел, делал зеленые, с болотным ободком глаза насыщеннее. Любимый улыбнулся и, шутливо испросив разрешения, поцеловал руку. Мы вместе сошли к экипажу – по соображениям безопасности королевский дворец закрыт для порталов, только избранным разрешалось пользоваться перемещениями в пространстве.

Сначала заедем за Филиппом. Он мой спутник, без меня его не пустят. Жил брюнет в знакомом по первому дню в столице доме, но, по словам Геральта, уже не так весело и привольно. Никаких женщин, кутежей, бильярда, прочих увеселений, сплошные тренировки и совещания с магами.

Жутко нервничала. Первый бал-маскарад в моей жизни! Как себя вести, что делать? Разумеется, заглянула в книги, извела Эллана на последнем занятии, но все равно переживала. Сплошные маски, не знаешь, кто есть кто. По-моему,

идеальное место для преступлений.

Из головы не шел образ некроманта, державшего на поводке дух Элизы. Кто он и как пробрался во дворец, почему наблюдал за королевой? Сомневаюсь, будто из благих побуждений. Что, если готовится очередное покушение? В этом графиня, пусть и мертвая, – идеальный помощник. Она посвящена во все тайны, знает секретные переходы, да и вряд ли растеряла былые умения. О том, сколько полезностей в голове Знающей, лучше не думать. Пусть она сама не способна колдовать, зато может научить чарам хозяина.

Пробовала поделиться опасениями с Геральтом, но мы занялись более приятными вещами. После из головы вылетело, спасибо ужину у Терских. Теперь снова вспомнила.

Предстоящая неминуемая встреча с Соланжем тоже тревожила. С некоторых пор королевский некромант вызывал трепет. А еще раз за разом всплывала в голове сцена с навсейкой. Стану смотреть в глаза Соланжу и вспоминать его, обнаженного, и собственную реакцию. Никогда не увлекалась подглядыванием, не сходила с ума по противоположному полу, однако тут тело реагировало своеобразно. Стыдно, но я любовалась и желала. Другого – пусть навсейки меняют любовников, как девицы легкого поведения, только вот на краю сознания... Словом, некоторое время мне снились совершенно непристойные сны. Вряд ли они порождения моей фантазии. Зная Соланжа, тот мстил невольной свидетельнице его услад. Я уж точно не мечтала заняться любовью ни с

кем, кроме Геральта. Или мечтала?

Ответ не понравился воспитанной в строгости лангов на-
иви – мечтала. Кто, спрашивается, не так давно смотрел на
мужчину и размышлял, каков он в постели? У меня, разу-
меется, нашлось оправдание: читала книгу о Чувствующих,
а Эллан был невероятно привлекателен, как в тот день, ко-
гда показывал силу любовных чар. К счастью, лорд ничего
не заметил или предпочел не заметить.

Речь шла о теоретическом интересе, не более! Просто по-
думалось, что у него чуткие руки, я это доподлинно знала.
Эллан умел по-особому касаться. Трудно объяснить, при-
ходит на ум только затасканное сравнение с музыкантом –
словно, у меня не кожа, а струны. А еще он любил целовать
руки. О да, Эллан Марон, я разгадала вашу маленькую тай-
ну!

Каждый поцелуй не брат-близнец предыдущего. То фор-
мально, то невесомо, а то на грани, когда на пальцах остае-
тся легкий след чужого тепла. И, главное, никакой пошлости,
никакой страсти.

Чем его так привлекали мои руки? Казалось, разреши я,
Эллан бы весь вечер не расставался бы с добычей. Сначала
смущалась, а теперь мне нравилось, более того, разрешила
лорду перейти в ранг друга, то есть не ограничиваться по-
целуем воздуха и кончиков пальцев. Однако Эллан не поку-
шался ни на ямочку ладони, ни на ее тыльную сторону, ни
на запястье, хотя мне все чаще хотелось сравнить, узнать,

какие ощущения вызовут нежные прикосновения. Он... Он особенный. Именно так. Единственный, которому я безгранично верила. Да – не Геральту и тем более Соланжу Альдейну.

Лишь бы некромант не изменил любимому аромату! Тогда я узнаю его заранее и сумею сбежать. Увы, Соланж умел подходить неслышно, а то и вовсе возникать из ниоткуда.

Единственная радость – Эллан обещал приехать, его тоже пригласили. Костюм лорд не описал, но заверил, подойдет засвидетельствовать почтение и выпросить один танец. Смеясь, я пообещала целых три.

– Боюсь, вашу милость превратно истолкуют, Дария, – покачал головой лорд, но я-то видела: доволен. – Решат, будто вы второго жениха завели.

– Почему? – простодушно спросила я.

– Уделяете слишком много внимания.

– Но вы будете в маске, никто не узнает, примут за Филиппа, – улыбнулась в ответ.

Эллан поклонился, прижав ладонь к груди, и предложил продолжить занятия. Мы освоили медитацию и практиковали зов к дару. Пока выходило плохо, но лорд заверял, прогресс – дело времени.

Экипаж остановился у ворот особняка Филиппа Соурена.

Геральт подозвал привратника-духа – в чужом доме двери заклинанием не откроешь – и показал родовой перстень с графской короной.

Ворота дрогнули и отворились. Карета подкатила к подъезду по усыпанной песком аллее. На крыльце поджидал Филипп. Он вырядился пиратом и щеголял синей маской на все лицо. Даже фальшивую бороду не забыл, полностью вошел в образ.

От Филиппа пахло жимолостью и древесной корой – хоть какой-то опознавательный знак! Вдруг на балу найдется еще один пират? Как хорошо, что мужчины постоянны в вопросах парфюма.

Брюнет легко вскочил на подножку и, распахнув дверцу, приник в придворном поцелуе к руке. Дождавшись кивка, Филипп сел напротив, рядом с Геральтом, и испросил дозволения сделать небольшой подарок – на этот раз золотые шпильки для волос с цветами из драгоценных камней. Чтобы уважить фиктивного жениха, попросила воткнуть их в прическу.

Карета дернулась и покатила к королевскому дворцу.

Друзья шептались, обсуждая сложившееся положение. Геральт давал советы, как вести себя в Мире воды, какими заклинаниями пользоваться против лангов, рассказывал о бытовых условиях в замках темных. Я молчала и слушала.

Тяжело придется Филиппу! Судя по всему, навсеи в Умерре жили так же, как я в замке магистра Онекса: никакой теплой воды из крана, свежих рубашек и мягкой перины. Но это война, наказание, а не праздник, живым бы остаться!

Королевский дворец – так и не решила, называть ли его

замком или дворцом – блистал огнями. Башни светились всеми цветами радуги, таинственно мерцая.

Королевская охрана в черно-оранжевой форме потребовала приглашения, а не капельку крови или магический идентификатор, как прежде. Имена сверяли по спискам – обычновенным, на бумаге. Офицер держал в руках гроссбух и водил по строкам самопишущим стальным пером, отмечая вновь прибывших.

Солдаты подозрительно глянули на Филиппа и потребовали представиться. Думала, велят удалиться – нет, пустили.

– Успокойтесь, миледи, – мою подрагивавшую руку в перчатке накрыла рука брюнета. Он доверительно наклонился, рискуя упасть при очередном повороте кареты. – Меня оправдали в самом страшном, определили наказание, но не лишили титула, только отлучили от двора. Однако ваше приглашение раскрывает все двери. Я под вашей опекой, и никто, абсолютно никто ничего не скажет. Обещаю оправдать оказанную честь.

Геральт хмыкнул и предложил обсудить, кто и как станет за мной ухаживать. Как спокойно, обыденно! А ведь мы любим друг друга. Или нет? Нельзя ни с кем делить любимую женщину, хочется танцевать с ней весь вечер, не отходить ни на шаг, ловя каждый взгляд, каждое слово. Словом, червячок сомнения стремительно разъедал чувства. Может, Геральт меня использует? Прежде не задумывалась, а теперь нашла сходство в поведении с прежним Геральтом, тем, ко-

торый жаждал редкую и красивую девушку в постель. За мной не нужно ухаживать, я не откажу, какая экономия!

Бред, конечно! Все дело в землях Геральта. Королева отдала мне виноградники и часть владений графов Местрийских, любимый не простил, поэтому отдалился. Скоро он успокоится и... Словом, вернется былое счастье.

– Мне должно достаться больше. – Лицо Филиппа скрывала маска, но точно знала, он улыбался. – Ты не спутник, официально никто.

– Бал-маскарад нарушает все правила, – назидательно заметил Геральт. – Поэтому поровну.

– Может, я сама решу? – вмешалась в спор.

В конце концов, решает дама. Я давно не вещь, имею право голоса.

Мужчины согласно кивнули. На этом обсуждение закончилось.

Экипаж остановился у увитого розами парадного подъезда. К нам поспешил лакей, откинул подножку и распахнул дверцу. Навсеи ступили на устилавшую мрамор ковровую дорожку первыми и заспорили, кому первому подавать мне руку. В итоге Геральту пришлось уступить.

С трепетом, полная нервного возбуждения и предвкушения, вошла в холл и испуганно отпрянула, когда взревели фанфары. Филипп крепче сжал локоток и поспешил успокоить: так приветствуют всех гостей.

Слуга, тоже в маске, проводил в бальный зал, показал

комнату с закусками и удалился встречать новых участников маскарада. Он походил на обычный бал, только еще пышнее и ярче, много света, цветов, красок. Воздух полнится пестрой смесью ароматов и гулом голосов. Душно и жарко, веер пришелся кстати. Обмахиваясь им, придерживая шлейф платья, лебедью всплыла в зал. На меня обратили внимание, гадая, кто скрывается под маской. Однако по правилам маскарада никто не обязан называть себя, вот и я не спешила приоткрыть завесу тайны.

Филипп отправился за игристым вином. Геральт остался охранять мой покой.

– Ее величество уже здесь, – шепнул любимый, неведомым образом выцепив взглядом в толпе нужную фигуру. Как только узнал! – Нужно засвидетельствовать свое почтение.

– Но ведь положено... – робко напомнила о правилах инкогнито.

– Так мы не станем называть титула, – лукаво подмигнул Геральт.

Однако подходить ни к кому не пришлось: будто отхлынув, толпа пропустила женщину. Она ступала как танцовщица, полностью соответствуя выбранному наряду. На ногах особые мягкие туфельки практически без каблучка. В руках – веер из перьев, на лице – полумаска, закрепленная атласной лентой. Украшения нарочито просты, но опытный глаз без труда поймет, все камни необыкновенной чистоты и баснословно дороги.

Женщина улыбнулась краешками губ, и Геральт верным псом метнулся к руке. Сомнений не осталось, передо мной королева.

Геральт не ограничился придворным поцелуем. Он опустился на одно колено, чего-то ожидая. Помедлив, королева положила ладонь на затылок Геральта и ласково скользнула пальцами по волосам. В высшей степен странно. Затем ее величество подошла ко мне. Не зная, как поступить, присела в реверансе.

– Без церемоний! – отмахнулась королева, скрыв наши лица за веером. – Это же маскарад. Вы не против, если я на время украду прекрасного вдовца? Второй спутник подошел, вам не придется скучать.

Действительно, Филипп мялся с ноги на ногу у стены, не решаясь приблизиться. Значит, тоже узнал ее величество.

Отказать королеве невозможно, поэтому кивнула, позволила увести Геральта. Они с ее величеством удалились к дверям в сад. Подозрительно. Сначала ласки, потом приватный разговор. Геральт жаждал внимания венценосной покровительницы. Прежде до меня долетали слухи об особых отношениях между королевой и ее Законником, сама подмечала необыкновенную близость. Взять хотя бы донорство энергии, Геральт делился ей много лет. Раньше воспринимала все как долг подданного, теперь засомневалась. И все – одна прогулка в сад, где по традиции уединялись парочки.

– Вымаливает прощение? – Филипп наконец-то подошел

и покосился на спину удаляющегося Геральта. – Только благодаря расположению некой особы он не в опале.

– Но ведь они не?.. – Судорожно сжала в руках фужер с игристым.

Значит, не только я так считаю. Неужели правда?

– Нет, – решительно развеял сомнения брюнет. – Королева его за другое ценит.

Неужели за донорство энергии? Помню ведь, что говорила Евгения: другого претендента, подходящего для болезненной и опасной процедуры, не найти. Надеюсь, ошибаюсь, и Филипп говорил об уме и знаниях. Мысль о королеве-энергетическом вампире пугала не меньше, чем о королеве-любовнице.

Проводила взглядом прямые спины Геральта и ее величества и, отхлебнув игристого, попросила Филиппа найти отца. Брюнет удивленно поднял брови – уже привычно я не видела, а чувствовала эмоции собеседника, скрытые маской. Вслед за удивлением столь же ясно ощутила недовольство спутника. Пришлось объяснить, что герцог потребовался мне по делу.

– Может, я смогу помочь? – Филипп переминался с ноги на ногу и сопел.

Неужели решил, будто я собралась примерить статус мачехи? Конечно, Родриго никому былых планов не озвучивал, только супруге, но ведь Валерия могла сказать, чтобы сделать больно сыну. У них очень странные отношения, с отцом

и то лучше.

– Боюсь, нет, – тяжело вздохнула и скользнула взглядом по толпе.

Вдруг таинственный незнакомец прячется там? Он вполне мог прикинуться чьим-то спутником, а то силой или хитростью завладеть приглашением. Да и кто сказал, что некромант из дворца не кто-то из придворных, оказался же Филипп одержимым.

– Видите ли, милорд, – попыталась сгладить неприятные ощущения от своих слов и заодно прояснить ситуацию, – вы отлучены от двора, а у меня важное сообщение для их величеств.

– Так давайте найдем короля, – беззаботно предложил Филипп.

– Вы знаете костюм его величества? – ахнула я и покрепче перехватила фужер.

– Нет, конечно, но если приложить некоторые усилия и смекалку...

При мысли о том, что придется объясняться с королем, задрожали коленки. По сути, что я видела? Человека, наблюдающего за королевой, душу Элизы на поводке. Подумаешь, некромант! Сколько в Веосе черных воротничков? Сотни, наверное. Все они служат короне, толкуются во дворце. Может, злодей существует только в моих глупых фантазиях, и никакого покушения не планируется.

– Так отыскать отца? – не дождавшись ответа на свое

предложение, обреченно спросил Филипп.

Понимаю, ему не хочется исполнять роль гонца. Родриго отныне не уважает сына, а так и вовсе засмеет. Невеста открыто предпочла отца, нашла Филиппа никчемным. Какой из брюнета мужчина, если ему не доверяют?

Задумалась. Может, подождать Геральта? Вернется же он когда-то из сада.

– Зачем я понадобился миледи?

Вздрогнула и резко обернуться, едва не расплескав игристое вино. Еще немного, и оно бы испортило маскарадный костюм его светлости.

Признаться, ни за что бы не узнала Родриго, если бы он не подал голос. Герцог нарядился древним магом, даже мантию и массивные амулеты не забыл. А еще бороду. Накладную, разумеется, длинную, седую, торчащую в разные стороны. Только глаза, смотревшие из-под черной бархатной полумаски, остались прежними, по ним, голосу и фигуре убедилась: передо мной действительно герцог Терский.

Родриго почтительно склонился, приветствуя. В ответ присела в неглубоком реверансе: на маскараде свои правила, все равны, но я-то знаю, кто передо мной, и протянула руку для поцелуя. Он не заставил себя ждать, формальный, без всяких вольностей.

Филипп посторонился, и герцог встал рядом. Родриго ответственно отнесся к роли временного спутника. Он остановил проходившего мимо слугу и забрал тарелочку с фрукта-

ми для меня.

– Видите ли, ваша... – вовремя поправились: – милорд, – и хлебнула игристого, – речь о некоем странном человеке.

– Отойдем?

Герцог протянул руку за моим бокалом, и я безропотно отдала его. Родриго обернулся к сыну. Тот без лишних слов забрал игристое и фрукты. Себе Филипп выпивку не взял, поэтому рук хватило.

Мы с герцогом, будто прогуливаясь, направились в смежную залу. Спасибо, не в сад. Полагаю, там скопилось достаточно ушей, немало тел переплелось в страстном порыве.

– Хм, – взгляд Родриго, лениво скользивший по гостям, внезапно замер и переместился на меня, – занятно, но логично.

Ожидала, герцог как-то пояснит странные слова, но подробностей не последовало. Попыталась найти того, кто заинтересовал спутника – безрезультатно. Десятки масок, десятки костюмов, ни одного знакомого.

– Итак? – сухо напомнил о себе герцог.

Мы остановились в дверном проеме. Родриго, будто случайно, заслонял от гостей. Сердце мгновенно ушло в пятки. Неужели в толпе притаился враг? Если нет, зачем меня защищать, прятать? Разговоры не запрещены, ничего предосудительного мы не делаем. Бросила короткий вопросительный взгляд на Родриго. Тот предпочел его не заметить. Ясно, очередная тайна.

Коротко пересказала увиденное во дворце, в заключении обронив: так, одни домыслы, ничего серьезного.

– Отчего же, – герцог смотрел куда-то вбок, поверх моей головы. – Спасибо, миледи, я скажу их величествам и уведомя охрану. А теперь посмотрим розы.

– Что? – не поняла я.

– Сделаем круг по залу. Вдруг вы его узнаете? Нет, так полюбуемся на уникальный цветок, который таки расцвел. Моя леди его уже видела и нашла чрезвычайно занятным. Не беспокойтесь, – пальцы Родриго на миг сжали мои, а в голове прорезалась усмешка, – это никак не связано с девичьей честью. Данный вопрос закрыт, только цветы.

– Его величество здесь, в зале?

Смотреть на розы совсем не хотелось. Общество герцога смущало и пугало. Он птица слишком высокого полета, опасный хищник, лучше держаться от таких подальше.

– Возможно, – уклончиво ответил Родриго. – Вас ведь волнуют танцы? Потерпите, скоро начнутся. Я могу рассчитывать на тур вальса?

Скептически осмотрела костюм герцога. Сомневаюсь, что в такой мантии можно не запутаться при выполнении фигур танца. Однако герцог доказал обратное, слегка крутнувшись на месте.

В итоге танец я обещала и попросила сказать, если мои предположения окажутся правдивы. Родриго дал слово и вернул на прежнее место, где меня поджидали двое мужчин:

Геральт вернулся.

Музыканты настраивали инструменты.

Торопливо допила игристое, предвкушая приятную легкую ломоту в мышцах. Рассказала герцогу о таинственном незнакомце, и будто камень с груди упал. Надо бы и Геральта предупредить, только он, похоже, витает далеко от бального зала. Зато Филипп донельзя внимателен, то бокал подержит, то тарелочку, то веером обмахнет – старается.

Душно!

Только подумала, и воздух остыл, а нос защекотал знакомый запах вербены.

Обмерла, боясь обернуться. Сердце то замедляло, то ускоряло ход.

Конечно, кто еще мог играть с температурой? Расслабилась, забыла о некроманте!

Молила небожителей о спасении, чтобы Соланж не заговорил со мной, прошел мимо. Осторожно скосила глаза, гадая, где беловолосый кошмар, в каком костюме. По идее, узнать несложно, других блондинов в Веосе нет, тут все брюнеты.

Небеса услышали отчаянные мольбы, послав такой родной голос:

– Добрый вечер, миледи. Отлично выглядите.

Я чуть не бросилась на шею Эллану, с трудом выдержала обязательную процедуру целования руки и потащила в сад. Бедному лорду не оставалось ничего другого, как подчи-

ниться, безропотно и безмолвно. Страшно подумать, что он подумал! Не иначе, ученица перепила, и ее потянуло на бурные развлечения. И ведь ничего не спросил. Неужели действительно считает, что я собралась заняться с ним любовью? Ну да, со стороны очень похоже. Интересно, а согласился бы? Нет, конечно. Я ведь не вызываю желания, лорд сам признался.

Эллан с шумом втянул воздух. Ох, кажется, я вывихнула ему запястье!

– Не надо, сам пойду, – подтвердил догадки лорд.

Стоило разжать пальцы, как Эллан подул на запястье. Мельком глянула на него, пощупала – целое, но болит. Вот тебе и хрупкая женщина!

Рассмеявшись, покачала головой.

– Даже не спросите куда?

Эллан пожал плечами.

– Вариантов множество.

– Вас все устраивают? – нервничала, принохивалась.

Уфф, никакой вербены!

– Главное, чтобы они устраивали вас, – таинственно ответил лорд Марон и, дабы загладить неприятную ситуацию с запястьем, пошутил: – Вы проявили такое упорство, что не оставили сомнений в важности предстоящего занятия.

Быстрым шагом направилась к вазону с цветами. Оказавшись на безопасном расстоянии от Соланжа, извинилась, заодно рассмотрела костюм Эллана. Тот предстал в образе за-

морского принца: летящее одеяние, тюрбан, цветастый широкий пояс. Хорош, несомненно, хорош, самый лучший кавалер во всем бальном зале, да простит меня Родриго Соурен, Эллан вне конкуренции. Геральт тоже симпатичен, но не переплюнул любовника покойной жены. Видимо, судьба у графа Местрийского такая – Эллан Марон отбивает всех женщин.

– Вы чем-то напуганы, Дария? – ворвался в мысли встревоженный голос лорда.

Эллан отвел руку в сторону, будто готовясь каждую минуту материализовать посох. Весь напрягся, вытянулся в струну. Защитник. Слово волной тепла прошло по сердцу. Защитник. Великая Мать, как приятно иметь человека, который готов прийти на помощь по первому зову. Геральт, увы, сначала подумает о себе, только потом обо мне. Хотя, может, Эллан играет? Навсеи не отличаются добродетелями, своя шкура им всегда дороже.

– Соланж Альдейн.

Эллан понимающе кивнул и расслабился.

– У вас двое спутников, стоит ли бояться?

Действительно, почему я ухватилась именно за лорда Марона, почему именно он внушал чувство защищенности? Не Филипп, даже не Геральт, а учитель. Сама не понимала, действовала инстинктивно, верила, лорд не обидит, не обманет. Дурацкая убежденность, на самом деле. Он сам признавался, что погубил два города, убил кучу народу, тих и мил только

из-за многолетней преподавательской привычки. Действительно, проступало в Эллане иногда темное, в Совет просто так не берут. Только вот все равно верила, хотелось к нему под крыло, слушать голос и ни о чем не думать.

– Они сами его боятся. Филипп точно.

– Вы полагаете, будто я нет? – усмехнулся Эллан и переместил руку чуть выше, на предплечье.

Я не возражала. Пусть хоть за талию обнимет и крепко прижмет, наоборот, остро захотелось ощутить ладони на талии. Успокоиться, мне нужно успокоиться. Геральт в этом отношении бесполезен. Страсть – да, но только прикосновения Эллана, его незримое присутствие за спиной вселяли уверенность. Лорд стал незаменим как воздух.

– Зато вы не полезете в драку.

Проводила глазами поднос с напитками. Эллан заметил и прищелкнул пальцами. Лакей подбежал и подал запотевший бокал.

– Очень даже полезу. – В голубых глазах плясали смешинки. – На кону ваше спокойствие и моя честь.

Два пальца: указательный и средний, – игриво погладили руку и легли на прежнее, предписанное этикетом место. В ответ немного щелкнула лорда по руке, и учитель склонился в поклоне, извиняясь.

На маскараде можно все, поэтому не стала ругать лорда за вольность.

– Эллан, надеюсь речь не о прощенном долге?

Мы прогуливались среди гостей и посматривали на музыкантов. Те безумно долго настраивали инструменты. Ноги приплясывали. Когда же?

Танцы – успокоение для нервов. Закружусь в вальсе и забуду о Соланже.

– Это мое дело, Дария, – уклончиво ответил лорд и взял с подноса бокал для себя.

Ясно, развивать тему Эллан не намерен. Пусть тон мягок, но он только вежливая оболочка принятого решения. Если стану настаивать, услышу стальной и непреклонный совет не вмешиваться.

– Как ваши успехи?

Лорд забрал опустевший бокал и на минутку отлучился – поставить посуду на стол.

Похвастаться было особо нечем. Я так и не научилась чувствовать духов, просто иррационально понимала, присутствуют в помещении неприкаянные призраки или нет. И то, если их много, либо их связь с миром живых сильна. То есть в обычных условиях дар не работал. Эллан утешил: через год смогу «прощупывать» Шепчущих. При воспоминании о единственном виденном представителе тех страшных существ пробрала дрожь. Не хотела бы когда-нибудь снова встретиться с Шепчущим! Изгой, он питался душами и умел внушать разного рода видения. Посмотришь в глаза – и попал, погиб.

Как всякий Чувствующий, лорд тонко улавливал эмоции и

поспешил успокоить. Никто меня никуда не отправит, всегда непременно рядом найдется мужчина, да и о Шепчущих он просто так сказал.

Грянули первые аккорды. Они прогнали тревогу, вернули праздник.

Эллан отпустил мою руку и склонился в низком поклоне, приглашая на танец. В ответ присела в реверансе. Я планировала отдать первый танец Филиппу как спутнику, но раз лорд оказался рядом, не прогонять же его!

Пальцы Эллана легли на талию, притянув к теплоте чужого тела. От лорда пахло легкой горчинкой и немного фиалковым мылом. Костюм пропитался парфюмом, овеяв лорда легким, невесомым облаком. Погрузилась в него, расслабив мышцы.

Руки покоились на плечах и талии учителя. Он легко кружил меня в танце, то приподнимая, то опуская на пол. Шлейф платья парил над паркетом, обвиваясь вокруг ног. Каким-то непостижимым образом Эллан умудрялся в нем не запутаться. Жаль, на моем первом балу мы не успели закружиться в танце: помешала смерть незнакомой женщины. «А ведь я до сих пор не знаю, кто ее убил», – внезапно пронеслось в голове, отравив сладостные минуты веселья. Не Филипп же! Элиза, Талия? Графиня присутствовала на балу, вполне могла отравить бедняжку, но зачем?

– Спросить у Соланжа Альдейна? – шепотом поинтересовался Эллан, склонившись к самому уху, благо танец дозво-

лял.

Вздвогнув, недоуменно уставилась на лорда.

– Простите, Дария, – партнер виновато потупился, – я обещал, но вы волновались, и я подумал... Нужно усилить экранную медальон, чтобы защищал от Чувствующих, а то такой соблазн, вечно срываюсь.

Узнать у Соланжа? Упаси Великая Мать!

С жаром отговорила лорда от безумной затеи. Откровения Эллана о чтении мыслей пропустила мимо ушей. Неприятно, но помешать не могу. Да и бесполезно, от Чувствующего все равно секретов нет. Тут либо привыкнуть, смириться, либо не общаться вовсе.

Эллан сменил тему и заговорил о всяких смешных пустяках, но видела, лорд нервничал. Волнение выразалось в быстрых коротких взглядах, скованности плеч, прямой спине. Все порывалась спросить, что его тревожит, но не решилась, только погладила по пряжке, крепившей пристяжные рукава. В ответ заработала поцелуй руки – настоящий, в ямочку ладони. Включившись в игру, провела ребром ладони по шее партнера. Напряжение никуда не делось, хотелось смести его, как соринку. Эллан вновь коснулся губами руки, теперь запястья, и заверил, тревожится не о чем: «Личное».

Место поцелуя чуть покалывало. Запястье – мое слабое место, стоит мужчине пощекотать его пальцами или губами, теряю голову. А тут еще ладонь... Поцелуй Эллана напоминал бабочку: мнилось, он слетел с кожи и трепетал теперь

возле лица, обдавая его теплым дуновением крыльев.

Танец закончился, и лорд вернул меня Филиппу. Геральт опять где-то пропадал.

– Благодарю за доставленное удовольствие. – Эллан поцеловал воздух над рукой. – Надеюсь, не последнее за сегодня.

Напомнила лорду, что обещала два танца, и обернулась к жениху. Тот нетерпеливо притопывал ногой, но, стоило взглянуть на него, принял невозмутимый вид.

Интересно, как Филипп воспринял Эллана? Сдается, приревновал. Нет, речь вовсе не о чувствах – о банальном соперничестве. Мужчины щепетильны в данном вопросе и не терпят, когда женщина открыто предпочитает другого.

– Простите, милорд, знакомый.

Надо же что-то сказать?

Филипп сделал вид будто все в порядке, открыл рот, чтобы пригласить на танец, но не успел: аромат вербены ворвался в мой мир. Я задыхалась. Хотела сбежать, но поздно, Соланж стоял рядом, сжимая императорский жезл. Узнала некроманта по каффу – он блеснул в ухе, приковывая взгляд. И по волосам – Соланж не думал их прятать, и белые пряди снегом рассыпались по плечам. Некромант скрепил их заколкой на затылке, но не стал собирать в хвост.

– Миледи? – голос блондинистого кошмара вибрировал в крови.

Как, как он умудрялся так говорить: пугающе и притягательно одновременно. То ли дело бархат голоса Эллана. Хо-

тя, признаю, Соланж полностью овладевал вниманием именно благодаря тембру, приятной негой растекавшемуся по животу. Она сродни желанию, только не жгучему, а тянущему, вязкому.

– Здравствуйте, милорд.

Ничего не оставалось, как выполнить требования этикета.

Я буду вежлива, не более!

Перед глазами всплыла бесстыжая сцена, подсмотренная во дворце. Губы той женщины, плоть некроманта и страстный, жесткий поцелуй, подаренный мне.

Внутри все заныло, а желудок провалился в пятки.

Заметалась в поисках выхода, но не находила его. Не сбегать же! Вот если бы я увидела герцога, а еще лучше ее величество или короля... Хотя кто запретит отлучиться в дамскую комнату? Не станет же Соланж ждать, пока я вернусь.

Так и знала, что не удастся избежать встречи с некромантом. Пришел поизмываться над жертвой. Я и прежде служила мишенью для его шуточек, а теперь Соланж и вовсе затравит. Слишком хорошо помню выражение его лица в дворцовом коридоре, интонации, повадки. Тогда я мысленно попрощалась с жизнью. А все из-за нездорового любопытства! Вот зачем стояла и смотрела, как они противоестественно занимаются любовью?

Мотнула головой и сглотнула.

Темные – извращенцы! Правы книги, только в умы навсеев может прийти такое. Противно, мерзко, но какой же у

него!.. Так и просится в руки, а еще лучше туда, где все ждет заполняющий пустоту меч.

Воображение живо представило, расцветило красками непозволительную близость. Она плавила кровь, заставила судорожно сжать бедра, чтобы унять распоясавшуюся чувственность. Подумать только, одна мысль о мужском достоинстве Соланжа приводила в трепет! Сомневаюсь, будто только меня – никогда прежде не видела такого. Пусть я не могу похвастаться богатым опытом общения с противоположным полом, оценила богатство, которым надели родители Соланжа Альдейна.

Стоп, Дария, ты становишься навсейкой. Сначала Филипп, потом Эллан, теперь Соланж. Тебя воспитывали в строгости, ты порядочная девушка, и строение тела должно волновать тебя только с точки зрения медицины. Нечего пробовать мужчин, заводить любовников из любопытства. Похоть – дурной советчик. Можно получить мимолетное удовольствие, но потерять душу, стать красивой куклой, которая ложится в постель с любым смазливym аристократом. Мне неполные семнадцать, я только-только подружилась с собственным телом, нельзя позволять ему управлять разумом.

Странно, но помогло. Стоило задуматься о душевной близости, как очарование Соланжа спало. У нас с ним ничего общего.

Вот так, дыши ровнее.

Повертев головой, заметила Геральта. Он напряженно наблюдал за некромантом. Одна нога выставлена вперед для устойчивости. Не хватало, чтобы повторились события прошлого бала, а все к этому шло. Жезл в руке Соланжа не бутфория, он самый настоящий, магический.

С легким гудением из воздуха возник посох Геральта. Пальцы любимого сомкнулись на древке.

Филипп, как отбывающий наказание преступник, довольствовался заложенными на пояс пальцами. Случайный жест, или брюнет пронес оружие? Метательный нож, например.

По внутренностям разлился холодок, затопив жар. Торопливо вклинилась между Геральтом и Соланжем. Надеюсь, этого достаточно, чтобы они не сцепились, у них ведь счеты друг к другу.

Жаль, маски скрывают эмоции, а жесты столь скупы, что не узнаешь, далеко ли до кровопролития. Только губы некроманта кривятся в усмешке, предупреждая: «Напади, я отвечу».

Ноги подрагивали, руки судорожно вцепились в веер.

Мне не хватало воздуха, а тут еще вербена. С некоторых пор я странно на нее реагировала: задыхалась и загоралась, как сухая лучина.

– Вам нехорошо, миледи? – некромант подошел вплотную и взял за миг покрывшуюся мурашками руку.

Если он поцелует, предательская дрожь станет явной. Соланж непременно заметит и объяснит все по-своему. Или

пройдется губами по запястью, чтобы усилить эффект. Если уж герцог знал о моих слабостях, некромант и подавно.

С мольбой взглянула на Геральта. Тот сделал шаг вперед и прокашлялся, привлекая внимание.

– Прошу прощения, но ваше общество нежелательно, милорд, – смело заявил он, поигрывая посохом.

В воздухе сгущалась опасность, однако стороны пока не выходили за рамки дозволенного.

Гремела музыка, кружились пары, звенел женский смех, жужжали разговоры, а мир для меня на время сузился до крохотного пяточка.

– Решать даме, не вам, – резко, на грани приличия возразил некромант и сжал мои пальцы.

По губам скользнула лукавая улыбка, и в следующую минуту обжигающие губы Соланжа коснулись запястья, да как! Он лизнул его, на краткий миг, но лизнул!

Возмущенно вспыхнула, попыталась вырвать ладонь, но некромант не пускал. Под тяжелыми, убийственными взглядами моих спутников он поцеловал руку так, как предписывал этикет.

– Вы хотите, чтобы я ушел, миледи? – промурлыкал Соланж.

Воздуха по-прежнему катастрофически не хватало, хотелось ослабить корсаж платья.

Когда все закончится, когда он оставит меня в покое?!

Закусив губу, отвернулась.

Пальцы Соланжа между тем бесстыже поглаживали ладонь.

Волна тепла, волна обжигающего холода, и разум, буквально вопящий об опасности. Он хищник, Дария, он усыпляет бдительность, чтобы перегрызть горло!

– Так мне уйти? – вновь раздался в ушах низкий волнующий голос некроманта.

– Да. То есть, нет. Не знаю! – запаниковав, сдалась я и периферийным зрением уловила, как исчез посох в руках Геральта.

Дурочка, он ведь сам говорил: если дама откажет, мужчина не смеет, а я разрешила. Зачем, зачем, зачем?! Это все волнение. Соланж тонкий знаток душ, он понимал, иного ответа не последует. Но еще не поздно все исправить. Сейчас же попрошу Геральта пригласить меня на танец.

Собрала волю в кулак и вырвалась из плена наваждения. Дышать сразу стало легче.

– Милорд, – голос чуть подрагивал, – мне лестно ваше внимание, но оно слишком докучливо.

– Ужели? – Соланж усмехался.

Его нахальное поведение придало сил. Высвободив руку, отошла, усиленно обмахиваясь веером, и попросила оставить меня в покое. Некромант пожал плечами и не сдвинулся с места.

– У вас плохо со слухом, милорд? – я ходила по лезвию ножа.

Пальцы нервно теребили цепочку экранирующего медальона. Геральт сделал его невидимым, но я ощущала, как и нити Эллана на запястье. Он повязал их на случай опасности, обещав прийти на помощь. Может, дернуть за одну? Учитель сумел бы разрешить щекотливую ситуацию. Он дипломат, спокойный, выдержанный, недаром член Совета. В итоге не стала, дело пустяшное. Лорд прав, со мной двое мужчин, они не дадут в обиду, а ниточка пригодится в минуту смертельной опасности. Упаси Великая Мать, но никогда не знаешь, что приготовила тебе судьба.

– Милорд? – Филипп красноречиво покосился на некроманта. Уходите, мол, пока целы. – Моя невеста не желает вас видеть.

Брюнет расправил плечи, выступил вперед и потеснил Соланжа. Некромант, вопреки ожиданиям, отступил, хотя и не ушел.

– Успокойтесь, я всего лишь хотел пригласить леди на танец.

– Она не танцует, – отрезал Филипп и, чуть смягчившись, добавил: – Во всяком случае, с вами.

– Смело! – покачал головой некромант. Глаза его посветлели, от голоса повеяло зимней стужей. – В вашем положении слишком смело, милорд, – подчеркнул он. – Одно мое слово, и могила разверзнется под ногами.

Крутнувшись на каблуках, Соланж ушел. Я в странном оцепенении смотрела ему вслед, осмысливая страшные сло-

ва. Взгляд неотступно следил за белыми развевающимися волосами. Шестое чувство твердило: нельзя отворачиваться.

Сердце ныло и билось так медленно, словно меня опоили ядом.

Некромант не двигался бездумно, о нет, он искал конкретного человека, и я, кажется, знала кого и зачем.

Перед глазами на миг потемнело. Как наяву, разыгрались события недавнего прошлого: комната свиданий, суд, допрос Талии и вкрадчивый голос Соланжа, глядящего ее по щеке сквозь прутья клетки. Женщину, которая его любила до самой смерти – слишком много тепла и боли было в голосе одержимой в лесу, когда она вспоминала некроманта.

Никогда не спрашивала, а теперь спросила.

– Геральт, – Филипп мог не знать, поэтому обращалась к... любовнику, да, именно так, любовнику, не любимому, – Талию казнили?

Он кивнул и помянул некроманта недобрим словом: испортил настроение.

– Когда? – не знаю, почему, но это казалось важным.

– В тот же день. Казнь никогда не откладывают.

– Соланж Альдейн? – одними губами, чуть слышно закончила вязь вопросов.

– Палач для магов один. Тебя что-то беспокоит? – Геральт обнял, не обращая внимания на многочисленных свидетелей.

– Предчувствие.

Отстранилась и потянулась за очередным бокалом обжигающе холодного шампанского.

Зачем Геральт оскорбил друга? Филипп мой спутник, жених, а навсей на глазах у всех обнимает. И брюнет молчит, даже не возмущается.

– Филипп, пригласите меня на танец.

Постаралась выкинуть дурное из головы. Право слово, не опустится Соланж до такой мелочи, как наушничать королю! Он могущественный некромант, а не пятилетний мальчишка! Однако внутри по-прежнему ворочалось чувство опасности. Как ни пыталась, не могла его заглушить. Дошло до того, что начало казаться, будто за мной наблюдают. Бред! Право слово, Дария, только ленивый не смотрит в твою сторону, пора бы привыкнуть.

Брюнет спохватился и склонился в поклоне.

Я намерено попросила сделать круг по залу, чтобы развеять дурные мысли. Так и есть, ничего подозрительного. Соланж не строит козни, не шепчется со стражей. Королева танцует с мужчиной в костюме купца, прочие гости пьют и веселятся.

Во всем виноват некромант! При нем я робею, а в голову лезут всякие мысли.

Филипп некоторое время безмолвствовал, а потом неожиданно спросил:

– Вы дождетесь?

Разноцветные глаза силились проникнуть в душу. Брюнет

смотрел так, будто от моего ответа зависела жизнь.

– Милорд, вы же знаете...

У нас фиктивная помолвка, а со стороны казалось, будто Филипп действительно собирался жениться. Он ведь все понимает, к чему спектакль?

– Знаю, – кивнул брюнет и в очередной раз разошелся со мной, чтобы через пару минут вновь соединить наши руки. – Просто мне показалось... – По лицу Филиппа мелькнула тень. Он не договорил. – Я дурак, миледи, признаю.

Брюнет усмехнулся, потешаясь над собственными мыслями. Пальцы соскользнули за отворот кружевной перчатки. Воистину, маскарад дурно влияет на мужчин, все они переходят границы, предписанные этикетом.

– Если вам потребуется муж, миледи, обращайтесь. Поверьте, я постараюсь оправдать ожидания, – вот и прежний Филипп вернулся: самоуверенный нахал, неотразимый любовник. – Вы уже распробовали, остались довольны размерами и качеством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.